Историко-философский ежегодник
2025. Т. 40. С. 262–318
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2025, vol. 40, pp. 262–318
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2025-40-262-318

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Что такое просвещение: ответ А.И. Герцена на кантианский вопрос*

Н.А. Дмитриева
БФУ имени И. Канта
236041, ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, Россия
NDmitrieva@kantiana.ru

Аннотация. Исследования рецепции в России кантовской концепции просвещения до сих пор ограничиваются одной работой В.Л. Каплуна о А.Н. Радищеве. Более поздние фигуры русской интеллектуальной истории не попадали в поле внимания исследователей, во-первых, потому что считается, будто русские мыслители в XIX в. находились под влиянием иных, непросветительских, философских течений, а во-вторых, потому что отсутствует консенсус, можно ли считать XIX в. в России частью истории русского просветительского проекта. А.И. Герцен в современном историко-философском нарративе предстает преимущественно как антикантианец, прошедший интеллектуальный путь от Вольтера, Руссо и Шиллера через Шеллинга, сенсимонизм и Фихте до Гегеля и Фейербаха. Чтобы показать несостоятельность сложившегося стереотипа, я анализирую, из каких

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта Балтийского федерального университета им. И. Канта «Над разломом: Россия и западный мир в русской философии».

© Дмитриева Н.А., 2025

источников Герцен мог узнать о философии Канта, какое место заняла кантианская концепция просвещения в его собственных размышлениях и какие кантовские идеи он использовал для построения собственного проекта.

Ключевые слова: Герцен, Кант, русское просвещение, совершеннолетие, идея науки, sapere aude, Гегель, Жирарден, нравственная автономия

Для цитирования: Дмитриева, Н.А. «Что такое просвещение: ответ А.И. Герцена на кантианский вопрос». *Историко-философский ежегодник* 40 (2025): 262–318.

Поступила в редакцию: 20.09.25
Принята к публикации: 16.10.25

What Is Enlightenment: Alexander Herzen's Answer to the Kantian Question*

Nina A. Dmitrieva
Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU)
236041, 14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, Russia
NDmitrieva@kantiana.ru

Abstract. Studies of the reception of Kant's enlightenment concept in Russia have so far been limited to one work by Victor Kaplun on Alexander Radishchev. Later figures in Russian intellectual history have not attracted the attention of researchers, firstly because it is believed that Russian thinkers of the 19th century were influenced by other, non-Enlightenment philosophical movements, and secondly, because there is no consensus on whether the 19th century in Russia can be considered part of the history of the Russian Enlightenment project. In the contemporary historico-philosophical narrative, Alexander Herzen is presented primarily as an anti-Kantian who followed an intellectual path from Voltaire, Rousseau and Schiller through Schelling, Saint-Simonism and Fichte to Hegel and Feuerbach. To demonstrate the inconsistency of this established stereotype, I analyse

* This article is prepared as part of the Immanuel Kant Baltic Federal University project "Above the Rift: Russia and the Western World in Russian Philosophy".

the sources from which Herzen could have learned about Kant's philosophy, the place that Kant's concept of enlightenment occupied in Herzen's reflections, and which of Kant's conceptions he used to construct his own project.

Keywords: Herzen, Kant, Russian enlightenment, maturity, idea of science, *sapere aude*, Hegel, Girardin, moral autonomy

For citation: Dmitrieva, Nina A. "What Is Enlightenment: Alexander Herzen's Answer to the Kantian Question." *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 40 (2025): 262–318 (in Russian).

Received: 20.09.25
Accepted: 16.10.25

До недавнего времени проблема рецепции в России кантианской версии ответа на вопрос о сущности просвещения[1] даже не ставилась, поскольку и на общеобразовательном уровне, и в ученой среде доминировал консенсус, что, во-первых, ядро «модели» просвещения составляют три идеи: избавление от суеверий и предрассудков через распространение образования, критика социально-политического порядка и требование социальной эмансипации[2]; во-вторых, этой «моделью» является «классическое французское Просвещение»[3]; и, в-третьих, в России возобладала именно эта «модель»[4]. Такой консенсус начал складываться еще в XIX в.: в частности, один из самых авторитетных

[1] Здесь и далее я принимаю следующее различение: «просвещение» со строчной буквы обозначает интеллектуальное движение во всем его многообразии, а тот же термин, написанный с прописной буквы, указывает на эпоху возникновения и расцвета этого интеллектуального течения, охватывающую период в истории России с конца XVII в. (первых петровских реформ) до восстания декабристов 14 декабря 1825 г.

[2] См., например, «Введение», написанное Н.В. Мотрошиловой, к разделу II в: *История философии: Запад – Россия – Восток*. Книга вторая. *Философия XV–XIX вв.*, под ред. Н.В. Мотрошиловой, 2-е изд. (М.: Академический Проект, 2020), 80–82.

[3] См., например: В.Ф. Пустарнаков, *Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа* (М.: ИФ РАН, 2002), 34, 42.

[4] См. об этом: А.Н. Круглов, «О понятии просвещения в русской философии XVIII века», *Христианское чтение*, № 1 (2023): 225–245.

университетских философов рубежа XIX–XX вв., русский кантианец Александр Иванович Введенский в своей речи «Судьбы философии в России», произнесенной 31 января 1898 г. на первом публичном заседании Философского общества при Санкт-Петербургском университете, размышляя о месте и значении проекта просвещения в интеллектуальной истории России, указал на два течения в русском просвещении XVIII в.: «вольфианство» и «вольтерьянство». Первое, по его мнению, было релевантно философствованию лишь узкого круга лиц, а именно – немногочисленного студенчества[5] и, можно добавить, учащихся духовных академий[6]. Второе же хотя и обрело широкую известность и даже славу, но «принималось поверхностно, как бы анекдотически» и потому «не пустило никаких корней». Тем не менее значение вольтерьянства выразилось в пробуждении «стремлений к философскому мышлению»: оно

> будило мысль, освобождало ум […] от рутинных воззрений, заставляло […] задумываться над тем, что прежде […] казалось […] само собой понятным, не требующим никаких объяснений[7].

В таком идейном контексте[8] кантианская версия просветительского проекта, как можно было бы ожидать, не имела серьезных шансов получить известность и влияние в России.

---

[5] А.И. Введенский, «Судьбы философии в России (1898)», в *Философские очерки* (СПб.: Тип. Балашов и Ко., 1901), 6.

[6] О распространении вольфианства в России см., например: Н.А. Куценко, *Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы: Монография* (М.: ИФ РАН, 2005), 103; А.Н. Круглов, *Философия Канта в России* (Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024), 504, 515 и др.

[7] Введенский, «Судьбы философии в России (1898)», 7.

[8] Кроме того, нужно учитывать, что даже в Германии конца XVIII – начала XIX в. «кантовское понятие просвещения не было единственным, а среди многих других альтернативных понятий не являлось доминирующим и определяющим для немецкой философской мысли и общественного восприятия, хотя и обладало определенным весом и известностью наряду с другими» (А.Н. Круглов, «Кантовское понятие просвещения и его альтернативы», *Кантовский сборник* 42, № 2 (2023): 18).

Однако недавнее исследование В.Л. Каплуна[9] показывает несостоятельность подобного ожидания: спустя пять лет после публикации в «Берлинском ежемесячнике» кантовского «Ответа на вопрос: что такое просвещение?» (декабрь 1784 г.) А.Н. Радищев, по собственному выражению, «подтибрил»[10] у Канта размышления о публичном использовании разума и состоянии несовершеннолетия – в переводе Радищева «незрелости разума»[11], – изложив их, правда, не называя автора, в своем критико-обличительном травелоге «Путешествие из Петербурга в Москву» (май 1790 г.). Уже один этот факт позволяет признать исследование рецепции в России кантовской концепции просвещения исторически релевантным.

Другой значимой фигурой в истории этой рецепции оказывается Александр Иванович Герцен (1812–1870). Сын русского вольтерьянца[12], Герцен соединил в своем идейном развитии последовательно оба – французское и немецкое – течения русского просвещения: по его собственному признанию, он вырос на французских книгах XVIII в. из библиотеки отца[13], к увлечению которыми по мере взросления добавилась немецкая литература – прежде всего произведения Шиллера[14]. Как вспоминал Н.П. Огарев в декабре 1856 г., «переход из детства в отрочество» совершился у них обоих под влиянием «Шиллера, Руссо

[9] В.Л. Каплун, «У истоков российского политического модерна: “подтибрил” ли Радищев свой проект Просвещения у Канта? (И если да, то почему не сослался?)», *Логос* 31, № 5 (2021).

[10] А.Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», в *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*, сост., коммент. А.В. Западова (СПб.: Наука, 1992), 29.

[11] Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», 79.

[12] А.И. Герцен, «Былое и думы. 1852–1868. Части I–III», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 8 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956), 112.

[13] Герцен, «Былое и думы. Ч. I–III», 47. Ср.: «В первой молодости моей я часто увлекался вольтерианизмом…» (Там же, с. 55).

[14] Герцен, «Былое и думы. Ч. I–III», 84 и др. О значении Шиллера для Герцена см.: Мартин Малиа, *Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855*, пер. А. Павлова, Д. Узланера, вступит. ст. и общ. ред. А. Павлова (М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010), 82–105.

и 14-го декабря»[15]. А там было рукой подать до Канта, ведь, по признанию самого Герцена, «Шиллер пошел с точки зрения Канта»[16]. Учитывая также то, что Кант находился под сильным влиянием Руссо[17] и что кантовская версия просветительского проекта не лишена социально-критической составляющей, интеллектуальная встреча Герцена с Кантом была, на мой взгляд, неизбежной. Кант оказался для Герцена, по сути, тем необходимым звеном, которое соединило Руссо и Шиллера и концептуально направило его интеллектуальный поиск. Тем не менее остается до сих пор неясным, что именно и из каких источников Герцен знал о философии Канта, насколько близкими стали для него кантовские идеи и какое место занял кантианский просветительский проект в его собственных размышлениях. Фокус моего исследования будет сосредоточен на последнем вопросе, но для ответа на него придется сначала обратиться к первому, а второй в силу его объемности будет затронут только в перспективе главной цели этого исследования.

Интеллектуальное знакомство с Кантом

О рецепции Герценом философии Канта написано до сих пор крайне мало[18], что объясняется не в последнюю очередь

---

[15] Н.П. Огарев, «<Отрывок из автобиографии>», в *Избранные социально-политические и философские произведения*, под общ. ред. М.Т. Иовчука, Н.Г. Тараканова, т. 2 (М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956), 22.

[16] А.И. Герцен, «Дневник, 1843 г.», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 298.

[17] Иммануил Кант, «Заметки в книге “Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного”», в *Собрание сочинений в 8 т.*, под ред. А.В. Гулыги (М.: ЧОРО, 1994), 2:372–373.

[18] См.: З.В. Смирнова, «Герцен и Кант», в *Кант и философия в России*, под ред. З.А. Каменского и В.А. Жучкова (М.: Наука, 1994). Исследователь жизни и творчества Герцена В.В. Блохин не сомневается, «что Герцен был знаком с сочинениями великого немца»: В.В. Блохин, *Русский Вольтер. Герцен: диссидент, писатель, утопист. Очерки жизни и мировоззрения,* предисл. Р.А. Арсланова (М.: Весь Мир, 2024), 154. См. также: Nina Dmitrieva, «Kants Bedeutung für die intellektuelle Kultur Russlands», in *Immanuel Kant 1724–2024.*

автохарактеристиками и сложившейся традицией описания герценовского мировоззрения современниками и исследователями: от вольтерьянства через Шеллинга, сенсимонизм и Фихте к Гегелю и Фейербаху. Кроме того, поскольку библиотека Герцена перед отъездом из России была передана старшему брату Егору[19] и не сохранилась, а сведения о ее составе отсутствуют, постольку определенно назвать источники знаний Герцена о философии Канта невозможно, но можно отчасти восстановить их по косвенным свидетельствам, что и будет далее сделано во мере воссоздания хронологии обращения Герцена к Канту.

Уже в самом раннем из сохранившихся философских текстов Герцена, «О месте человека в природе» (с авторской датировкой 1 декабря 1832 г.), обнаруживаются следы первого знакомства с критической философией. Герцен упоминает здесь типичные кантовские понятия: аналитический и синтетический «способы познания», ноуменальная «часть» и мир явлений[20]. Последняя пара понятий присутствует и в первых абзацах другого раннего фрагмента, датированного началом 1833 г.[21],

Ein europäischer Denker, hrsg. Volker Gerhardt, Matthias Weber und Maja Schepelmann (Oldenburg: De Gruyter, 2022), 256–257. В фундаментальной книге А.Н. Круглова о рецепции кантовских идей в России Герцену посвящены две страницы с цитатами о кантовских антиномиях (А.И. Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 86; А.И. Герцен, «Письма об изучении природы», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 3 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 114) и об отношении Канта к Французской революции (А.И. Герцен, «Былое и думы, 1852–1868. Части VI–VIII», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 11 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957), 299), а также с «весьма отталкивающим», по выражению автора, описанием кантовской внешности (А.И. Герцен, «Письма об изучении природы», 305). См.: Круглов, *Философия Канта в России*, 258–260. Справедливости ради нужно отметить, что в последнем сюжете от Герцена достается и Локку, и Вольтеру, и Лейбницу, и Руссо; например, Вольтер удостоился сравнения с орангутангом.

[19] И.А. Желвакова, *Герцен* (М.: Молодая гвардия, 2010), 241.

[20] А.И. Герцен, «О месте человека в природе», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 21, 24.

[21] А.И. Герцен, «<Развитие человечества, как и одного человека>», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 1, 26. В этом же фрагменте содержится и,

а затем в более развернутой форме открывает диссертацию Герцена об учении Коперника (датирована 28 мая 1833 г.). Причем первые строки диссертации поразительно напоминают мысли Канта, изложенные на первых двух страницах «Введения» ко второму изданию «Критики чистого разума». Сравним:

Кант:

> всё наше познание начинается вместе с опытом; в самом деле, чем же побуждалась бы к выполнению своих задач способность познания, если не *предметами, которые действуют на наши чувства и* отчасти сами производят представления, отчасти *приводят в движение деятельность нашего рассудка* […]. [Н]аше опытное познание складывается из того, что́ мы получаем благодаря впечатлениям, и из того, что́ наша собственная способность познания […] дает от себя самой, причем *это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда длительное упражнение привлекает к нему наше внимание* […]. (курсив мой. – *Н.Д.*) Существует ли такое независимое от опыта […] познание? Такие познания называются познаниями *a priori*; их отличают от эмпирических познаний, которые имеют свой источник *a posteriori*, что значит: их источник в опыте[22].

Герцен:

> Миром явлений окружен человек, *явления сии*, составляющие всю видимую природу, *действуя на него, сообщают, так сказать, движение умственным способностям*, и человек начинает размышлять о них. […] *Способы мышления с того времени, как начал человек обращать внимание на себя и на природу, раздвоились*: это равно подтверждается рассматриванием человека *à priori* и *опытностью* веков до наших дней[23] (курсив мой. – *Н.Д.*).

по-видимому, первое письменное упоминание Герценом самого имени Канта, причем рядом с Платоном (Герцен, «<Развитие человечества, как и одного человека>», 27).

[22] Иммануил Кант, *Критика чистого разума, 2-издание (B)*, в *Сочинения на немецком и русском языках*, т. 2, часть 1, под ред. Н.В. Мотрошиловой, Т.Б. Длугач, Б. Тушлинга и У. Фогеля (М.: Наука, 2006), 51 (B 1–2).

[23] А.И. Герцен, «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника», *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 36. Возможно, здесь источником был какой-то французский обзор –

Правда, далее в диссертации Герцен обращается к Декарту и Бэкону и дает ссылку на историко-философские обзоры Виктора Кузена «Философские фрагменты» и «Введение в историю философии»[24]. В упомянутой выше статье 1832 г. Герцен также рекомендует не Канта, а французских философов, близких сенсимонизму, и Шеллинга с его «Лекциями о методе университетского образования»[25]. В «Лекциях…» Шеллинга хотя и встречается имя Канта, но не в том контексте, в каком у Герцена функционируют кантовские понятия – в указанном тексте Шеллинга этих понятий вовсе нет. Вместе с тем именно Шеллинг был, по-видимому, первым представителем немецкой классической философии, с которым Герцен познакомился в подлиннике и который приблизил его к Канту в силу идейной традиции, из которой выросла философия Шеллинга, и многократных ссылок последнего на Канта и споров с ним.

Впервые Герцен познакомился с сочинениями Шеллинга благодаря своему учителю латинского языка, адъюнкту Московского университета Василию Ивановичу Оболенскому, который готовил его к поступлению в университет в 1829 г.[26] В конце 1833 – первой половине 1834 г. Герцен в короткой неоконченной заметке называл, правда, другие имена:

во французских текстах того периода можно встретить написание «a priori» с accent grave – или же Герцен написал этот оборот по инерции на французский манер, хотя пользовался немецким изданием «Критики».

[24] Герцен указывает 1825 г. издания, но, вероятно, речь идет о книгах: Victor Cousin, *Fragmens philosophiques* (Paris: Sautelet, 1826); Victor Cousin, *Cours de philosophie. Introduction à l'histoire de la philosophie* (Paris: Pichon et Didier, 1828). Кузен был чрезвычайно популярен во второй трети XIX в.: его работы выдержали многократные переиздания и часто переводились на немецкий и английский языки, так что Герцен не мог обойти его вниманием. Кроме того, именно Кузену принадлежит честь открытия Канта для французской академии, и в его сочинениях Канту уделено немало страниц. Однако Герцен невысоко ценил Кузена как философа за его эклектицизм, см.: А.Т. Павлов, «К вопросу о влиянии на Герцена Кузена, Цешковского и Фейербаха», в *Вопросы философии*, № 7 (2014): 162.

[25] Герцен, «О месте человека в природе», 25.

[26] Т.П. Пассек, *Из дальних лет. Воспоминания*, т. 1 (М.: Гослитиздат, 1963), 258.

> Германскую философию мы узнали через Веланского, Павлова и Галича[27]. Они первые сказали нам о Шеллинге и Окене[28].

Позднее, в «Былом и думах», он добавил подробностей о своем университетском знакомстве с Шеллингом:

> Германская философия была привита Московскому университету М.Г. Павловым. […] Павлов преподавал введение к философии вместо физики и сельского хозяйства. […] Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?» […] Ответом на эти вопросы Павлов излагал учение Шеллинга и Окена с такой пластической ясностью, которую никогда не имел ни один натурфилософ[29].

Что же читал Герцен у Шеллинга помимо упомянутых выше «Лекций…»? Сам Герцен ссылается на «трансцендентальный идеализм Шеллинга»[30] – правда, именно так, со строчной буквы, обозначая философское учение, а не название сочинения, но в этот же период в письме к Герцену от 10 июля 1833 г. Огарев в продолжение обсуждения их общей программы чтения сообщал: «Я читаю Шеллинга “Transcendentaler Idealismus”»[31], из чего можно заключить, что Герцен или уже прочитал «Систему трансцендентального идеализма», или собирался ее читать. Можно предположить, что в силу его тогдашнего

---

[27] О философии Канта и Шеллинга в сочинениях профессора Санкт-Петербургского университета А.И. Галича см.: Круглов, *Философия Канта в России*, 341–345.

[28] А.И. Герцен, «Несколько слов о лекции к-на Морошкина, помещенной в V № “Ученых записок”», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 319.

[29] А.И. Герцен, «Былое и думы. Часть IV», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 9 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956), 16–17.

[30] Герцен, «Былое и думы. Ч, I–III», 161.

[31] Н.П. Огарев, «А.И. Герцену», в *Избранные социально-политические и философские произведения*, под общ. ред. М.Т. Иовчука и Н.Г. Тараканова, т. 2 (М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956), 263. Как признается Огарев в 1858 г., Канта он не читал, а был знаком с его идеями по сочинению Г. Гейне «О Германии», французской версии «Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland» в издании 1855 г. (там же, 46).

интереса к натурфилософии ему были знакомы и более ранние произведения Шеллинга, но вряд ли более поздние – вскоре Герцен переключил свое внимание на сенсимонизм и Гегеля. В свете же вопроса об источниках его знакомства с Кантом нужно заметить, что шеллинговская «Система…» дает значительный стимул, чтобы обратиться по меньшей мере к кантовской «Критике чистого разума».

Другими источниками сведений о кантовской философии стали для Герцена различные исторические обзоры. Например, 5 июля 1833 г. он сообщал Огареву, что планирует перевести сочинение парижского адвоката и правоведа, близкого сенсимонизму, Эжена Лерминьера «Общее введение в историю права»[32], в котором помимо многочисленных упоминаний Канта, рассыпанных по всей книге, отдельная – XVI – глава посвящена «Канту с точки зрения морали и права»[33]. Неизвестно, осуществил ли он этот перевод, но нет сомнений, что он полностью прочитал эту книгу, о чём и сообщал своему другу 1 августа того же года, отзываясь о сочинении с похвалой[34].

Следующая документально подтверждаемая встреча с кантовской философией относится к 1840 г.: Герцен прочитал и рекомендовал А.Е. Скворцову[35] статью М.А. Бакунина «О философии» («Отечественные записки», 1840, № 4) – ту самую статью, в которой в гигантской постраничной сноске излагалось кантовское учение о категориях[36].

С апреля 1842 г. по март 1843 г. Герцен работал над циклом статей «Дилетантизм в науке», задуманном как «пропедевтиче-

---

[32] А.И. Герцен, «Н.П. Огареву, 5 июля <1833>», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 21 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961), 17.

[33] Eugène Lerminier, *Introduction générale a l'histoire du droit* (Bruxelles: Louis Hauman et compagnie, 1830), 194–206.

[34] Герцен, ««Н.П. Огареву, 1–2 августа <1833>», т. 21 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961), 21.

[35] «А.Е. Скворцов – Герцену. Аннотации, № 8», в *Литературное наследство*, т. 62, *Герцен и Огарев II* (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955), 758.

[36] М.А. Бакунин, «О философии», в *Избранные философские сочинения и письма*, под ред. В.Ф. Пустарнака (М.: Мысль, 1987), 153–154.

ское слово желающим приняться за философию»[37]. Традиционно считается, что этот цикл, а также последующие «Письма об изучении природы» (1845) написаны под влиянием Гегеля. Действительно, 3 февраля 1842 г. Герцен сообщал А.А. Краевскому, что он «наконец дочитал, *и хорошо*, […] с биением сердца, с какою-то торжественностию», «Феноменологию духа»[38]. На протяжении 1842 г. он еще не раз обращался и к сочинениям самого Гегеля, и к работам о нём. Но несмотря на глубокое впечатление, которое оставило это чтение[39], Герцен в процессе работы над циклом, как можно заметить, время от времени прибегал к кантовским идеям: он или «переводит» гегелевские положения на понятийный язык Канта, или же «исправляет» Гегеля в кантовском духе. Например, в первой статье о дилетантизме, датированной 25 апреля 1842 г., он так формулирует задачу философии:

> Всё дело философии и гражданственности – раскрыть во всех головах один ум. На единении умов зиждется всё здание человечества[40].

Спустя несколько абзацев он, имея в виду, вероятно, гегелевский «закон сердца»[41], поясняет:

> Не сердце, а разум – судья истины. А разуму кто судья? – Он сам[42].

Сравним у Канта:

> человеческий разум не призна[ёт] никакого судьи, кроме самого общечеловеческого разума, в котором всякий имеет голос[43].

---

[37] А.И. Герцен, «Дневник, 1842 г.», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 206.

[38] А.И. Герцен, «Письма 1839–1847 гг.», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 22 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961), 128.

[39] 28 ноября 1843 г. Герцен пишет, что находится «весь еще под его [Гегеля] самодержавной властью»: Герцен, «Дневник, 1843 г.», 317.

[40] А.И. Герцен, «Дилетантизм в науке», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 3 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 14.

[41] Г.В.Ф. Гегель, *Феноменология духа*, [пер. Г. Шпета, вступ. ст. К.А. Сергеева и Я.А. Слинина] (СПб.: Наука, 1999), 196.

[42] Герцен, «Дилетантизм в науке», 16.

[43] Кант, *Критика чистого разума*, 951 (B 780).

Таким понятием разума Герцен фундирует «свободу и совершеннолетие» науки, отмечая, что

> слабые люди, предчувствуя эту свободу, трепещут, они боятся ступить без пестуна, без внешнего веления[44], –

так впервые в текстах Герцена появляется понятие совершеннолетия из кантовской статьи о просвещении. В целом этот мыслительный ход соответствует замыслу Канта, который таким образом обосновывал

> свобод[у] высказывать свои мысли и сомнения […] для публичного обсуждения […]; так как от этого разума зависит всякое улучшение, какое возможно в нашем состоянии […][45].

Начиная с этой статьи, кантовское понятие совершеннолетия становится константой практически всех рассуждений Герцена о социально-политических преобразованиях в перспективе его проекта просвещения, о котором пойдет речь в следующем разделе. Во второй статье герценовского цикла, озаглавленной «Дилетанты-романтики», возникает и лексика кантовской статьи об идее всеобщей истории: «литературную эпоху, начавшуюся с Лессинга» Герцен характеризует как «*космополитическую* и совершеннолетнюю (курсив мой. – *Н.Д.*)» и указывает при этом на Гердера, Канта, Шиллера и Гёте[46].

Еще одно, хотя тоже косвенное, подтверждение тому, что Герцен читал эти и другие кантовские работы, дает его рецензия «Публичные чтения г. Грановского» (опубликована в «Московских ведомостях» 27 ноября 1843 г.) на состоявшуюся 23 ноября 1843 г. в Московском университете первую публичную лекцию историка Т.Н. Грановского. Герцен, очень высоко оценивая лекцию, позволил себе лишь два критических замечания, одно из которых относилось к Канту:

---

[44] Герцен, «Дилетантизм в науке», 16.

[45] Кант, *Критика чистого разума*, 951 (B 780).

[46] Герцен, «Дилетантизм в науке», 27; ср. 38.

> [Грановский] слишком скудно определил влияние Канта на историю[47] и всё еще, по старой привычке, слишком много приписывает Гердеру. […] Что же касается до Канта, то дело совсем не в том, что́ он писал об истории, но какой он дал мощный толчок всему разумению человеческому; кантианизм отразился во всех сферах мысли и во всех сделал переворот. История не могла быть изъята […][48].

Суждение Герцена о Гердере и о значении кантовской философии в истории мысли могло быть им составлено под впечатлением «Истории XVIII столетия» Ф.Х. Шлоссера и «Писем об эстетическом воспитании человека» Шиллера, прочитанных в июле 1843 г. В своем дневнике Герцен ставит шиллеровское сочинение в непосредственную связь с кантовской философией, восхищенно замечая:

> Шиллер пошел с точки зрения Канта, а какие сочные, жизненно прекрасные плоды, – он далеко перешел взгляд критической школы[49].

По Шлоссеру Герцен сделал довольно подробный обзор социально-политического состояния Германии, Франции и России, не упоминая Канта. Но можно с высокой вероятностью предположить, что он не упустил из внимания раздел «Немецкая литература в ее отношении к публичной и домашней жизни, светскому обществу и господствующим нравам», первый параграф которого посвящен немецкой университетской философии, и в частности Канту. Причем Шлоссер здесь прямо заявляет,

---

[47] Подобное же замечание Герцен адресовал Гегелю в третьем письме «Греческая философия» следующего цикла: А.И. Герцен, «Письма об изучении природы», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 3 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953), 146 (сн. 1).

[48] А.И. Герцен, «Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург)», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 114.

[49] Герцен, «Дневник, 1843 г.», 298. Ср.: «…действительно Шиллер пошел от кантианизма и развил его до своих “Писем об эстетическом воспитании человечества”. А эта диссертация в письмах – колоссальный шаг в развитии идеи истории» (Герцен, «Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург)», 114).

что Канту «мы обязаны не только новой научной философией», задача развития которой чрезвычайно волновала Герцена[50], «но и лучшей частью нашей поэзии в лице Шиллера и Гёте»[51]. В этом же полутоме Шлоссер посвятил большой раздел Гердеру и в нем несколько страниц – разбору его философии истории[52], из которого Герцен вполне мог заключить, что Гердер – «поэт и дилетант в науке» и что поэтому не следует приписывать ему слишком много заслуг, как это сделал Грановский[53]. А вот о том, что Кант тоже писал об истории, Герцен у Шлоссера да и у других упомянутых им авторов обзоров узнать не мог, что служит еще одним косвенным свидетельством в пользу того, что Герцен читал сочинения самого Канта.

Это тем более логично предположить, что в 1838–1842 гг. вышло 12-томное собрание кантовских сочинений под редакцией К. Розенкранца и Ф.В. Шуберта[54], которое вполне могло

---

[50] См., например: «Истинная, единая философия, философия-наука не дается еще французам […]. Где нет философии как науки, там не может быть и твердой, последовательной философии истории […]» (А.И. Герцен, «Рассказы о временах Меровингских», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 8). См. также: Герцен, «Дилетантизм в науке», 7–23 (Статья первая).

[51] Friedrich Christoph Schlosser, *Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts und des neunzehnten bis zum Sturz des französischen Kaiserreichs. Mit besonderer Rücksicht auf geistige Bildung*, Bd. 3, *Bis 1788,* Abth. 2, *Vom Anfange des Seekriegs in Europa um 1778 bis zum Mai 1788* (Heidelberg: Mohr, 1843), 76. Философии Канта и ее рецепции современниками посвящены с. 79–84. Правда, доподлинно известно, что Герцен читал *первую* часть третьего тома, который вышел в двух книгах (см.: Герцен, т. 2, 1954, 308–309, 473). Однако логично предположить, что в распоряжении Герцена были обе части третьего тома и что он их обе читал. В 1858–1860 гг. этот восьмитомный труд под названием «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы» вышел на русском языке в переводе Н.Г. Чернышевского, А.Н. Пыпина и, вероятно, Е.А. Белова с 4-го исправленного издания. См.: А.А. Демченко, *Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858)* (М.; СПб.: Петроглиф, 2015), 557–564.

[52] Schlosser, *Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts*, 201–205.

[53] Герцен, «Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург)», 114.

[54] *Immanuel Kant's sämmtliche Werke*, hrsg. Karl Rosenkranz und Friedrich Wilhelm Schubert (Leipzig: Voss, 1838–1842).

быть в распоряжении Герцена, учитывая скорость, с которой к нему поступали книжные новинки, вышедшие за рубежом. В предисловии издателей к седьмому тому содержалось прямое указание на кантовские сочинения *о философии истории*: в этом томе в раздел с таким названием были включены «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «Критика первой части Гердеровых Идей к философии истории человечества»[55], «Предполагаемое начало человеческой истории» и др.[56] В этом же томе, в разделе *о морали и политике*, была помещена статья «Ответ на вопрос: что такое просвещение».

И всё же единственным прямым свидетельством того, что Герцен читал не только разного рода изложения кантовской философии, выполненные немецкими и французскими авторами, но и первоисточник, остается письмо В.Г. Белинского Герцену от 6 апреля 1846 г. с самоироничным замечанием в скобках:

> тебе читать Канта, Гегелеву феноменологию и логику нипочем, а у меня трещит голова иногда и от твоих философских статей […][57].

Обращению Герцена к Канту сопутствовало и окончательное разочарование в Шеллинге. В августе 1843 г. Герцен читал «брошюру» о нем Юлиуса Фрауенштедта[58], в которой автор, признавая «великое, глубокое и истинное в новой философии Шеллинга», критикует последнего за ошибки в толковании христианства[59], а при изложении шеллинговского учения часто обращается к Канту в качестве положительного примера

---

[55] Именно под таким названием Розенкранц и Шуберт опубликовали кантовскую рецензию на Гердера.

[56] Friedrich Wilhelm Schubert, «Vorrede», in *Immanuel Kant's sämmtliche Werke*, hrsg. Karl Rosenkranz und Friedrich Wilhelm Schubert, Bd. 7, *Kleine anthropologisch-praktische Schriften*, hrsg. Friedrich Wilhelm Schubert (Leipzig: Voss, 1838, XV–XVI).

[57] В.Г. Белинский, *Письма. Три тома*, ред. и примеч. Е.А. Ляцкого, Т. III [1843–1848] (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914), 109.

[58] Герцен, «Дневник, 1843 г.», 304.

[59] Julius Frauenstädt, *Schelling's Vorlesungen in Berlin, Darstellung und Kritik der Hauptpunkte derselben, mit besonderer Beziehung auf das Verhältnis zwischen Christenthum und Philosophie* (Berlin: August Hirschwald, 1842), VI.

решения тех или иных философских проблем[60]. По прочтении брошюры Герцен записал в дневнике:

> германский ум всегда готов свихнуться в область туманных фантазий и тратить талант и гений на пустую работу […]. А после Канта могли бы идти путем трезвых[61].

Отголоски оценок кантовского интеллектуального деяния, данных Шиллером, Шлоссером и Фрауенштедтом и, вероятно, другими авторами[62], а также впечатления, как я полагаю, от чтения первоисточника отразились в страстных пассажах о Канте в цикле «Письма об изучении природы», работа над которым шла с июля 1844 г. по декабрь 1845 г.[63] Более того, в статье «Реализм» Герцен сообщал, что следующее «письмо» будет посвящено Канту и его непосредственным «предшественникам со стороны идеализма»[64], но этот замысел не осуществился, и работа над «Письмами…» на этом была завершена.

---

[60] Frauenstädt, *Schelling's Vorlesungen in Berlin*, 23–24.

[61] Герцен, «Дневник, 1843 г.», 305.

[62] Например, А.Н. Круглов указывает тексты Карла Августа Варнхагена фон Энзе в качестве возможного источника герценовского описания реакции Канта на сообщение о провозглашении Французской Республики в 1792 г. См.: Круглов, *Философия Канта в России*, 260. Это описание Герцен привел не только в «Былом и думах» (*Собрание сочинений в 30 т.*, Герцен, т. 11 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957), 299), но и в «Колоколе»: А.И. Герцен, «1860 год», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 14 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 216; а также в: А.И. Герцен, «<Предисловие к книге "О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и "Путешествие" А. Радищева…> [1858]», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 13 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 272; и в усеченном виде в: А.И. Герцен, «С того берега», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 6 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955), 116.

[63] Герцен, «Письма об изучении природы», 113–114, 146, 293, 305. В качестве возможного источника сведений о кантовской философии, которые нашли отражение в «Письмах…», З.В. Смирнова называет «Лекции по истории философии» Гегеля (Смирнова, «Герцен и Кант», 26). Действительно, Герцен читал эту книгу в сентябре и октябре 1844 г. (А.И. Герцен, «Дневник, 1844», в *Собрание сочинений в 30*, *т*. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 382, 384, 385) и мог почерпнуть из нее основные идеи трех «Критик» и «Религии в границах одного только разума».

[64] Герцен, «Письма об изучении природы», 308.

О том, что Герцен всерьез готовился писать о Канте, говорит и его достаточно глубокое понимание кантовской философии, причем и теоретической, и практической ее частей, чему есть, на мой взгляд, еще по меньшей мере три свидетельства. Первое оставлено им в дневнике 28 февраля 1845 г. по прочтении книги Пьера-Жозефа Прудона «Принципы политической организации, или Создание гуманного порядка», которую Герцен назвал «чрезвычайно замечательным явлением» с «бездной ярких мыслей»[65]. В этой книге Прудон довольно интенсивно дискутирует с Кантом, используя его идеи для выстраивания своей концепции. Одна из «ярких мыслей», считает Герцен, внушена Прудону Кантом: «…говоря о Кантовых необходимых координатах мышления, о времени и пространстве», Прудон «видит каждый предмет не единичностью, а звеном ряда, а принадлежащим, отнесенным к целому порядку явлений»[66]. Действительно, эта мысль Прудона в некотором роде предвосхитила неокантианскую концепцию ряда, разработанную Германом Когеном и Эрнстом Кассирером в начале XX в.[67] В то же время Герцен критикует Прудона за сведение учений Спинозы, Гегеля и «самого Канта» исключительно к идеализму[68].

Второе свидетельство обнаруживается в письме к Георгу Гервегу от 9 января 1850 г., в котором Герцен, размышляя о разладе в их жизни, обращается к кантовскому нравственному закону:

> Кант сказал, что поступок не является нравственным, если его нельзя обобщить […][69].

---

[65] А.И. Герцен, «Дневник, 1845 г.», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 408–409.

[66] Герцен, «Дневник, 1845 г.», 409. Ср.: Pierre-Joseph Proudhon, *De la création de l'ordre dans l'humanité, ou principes d'organisation politique* (Paris: Librairie de Prévot; Besançon: Bintot, 1843), 168.

[67] См. об этом, например: Н.А. Дмитриева, «Концепция истории Н.В. Болдырева: неокантианские перспективы», в *История философии* 21, № 2 (2016): 49, 51–52.

[68] Герцен, «Дневник, 1845 г.», 409.

[69] «Kant a dit qu'une action n'est pas morale si on ne peut la généraliser…»: А.И. Герцен, «Письма 1847–1850 годов», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 23 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961), 231–232.

Эту же фразу в собственном переводе, – правда, менее удачном, чем предложили публикаторы письма, – но с пояснением, подтверждающим ее кантианское происхождение, Герцен повторяет в статье, датированной 3 апреля 1850 г. и включенной в цикл «С того берега»:

> Незыблемой, вечной нравственности так же нет, как вечных наград и наказаний. То, что действительно незыблемо в нравственности, сводится на такие всеобщности, что в них теряется почти всё частное, как, например, что всякое действие, противное нашим убеждениям, преступно или, как сказал Кант, что то действие безнравственно, которое человек не может обобщить, возвести в правило[70].

И, наконец, третье свидетельство, рассыпанное по нескольким письмам, но локализованное во времени, касается еще одного нереализованного замысла. 4 марта 1850 г. Герцен сообщал Георгу и Эмме Гервегам о своих ближайших творческих планах: написать для французской прессы «ряд статей о немецкой филос<офии>, написать против нелепостей Эм. Жирардена»[71]. В письме от 3–4 марта 1850 г. Мозесу Гессу он уточнил свой замысел:

> Я собираюсь сейчас написать статейку против сумбура, проповедуемого Эм. Жирарденом по вопросу о большинстве и меньшинстве[72].

А в письме от 9 марта к Георгу Гервегу появились еще некоторые подробности:

> Я задумал также маленькую поэтическую шутку под названием «Эмиль Жирарден и Иммануил Кант», чтобы сказать ему, что он не только плохой республиканец, но и плохой диалектик[73].

---

[70] Герцен, «С того берега», 131; ср.: Иммануил Кант, *Основоположение к метафизике нравов*, в *Сочинения на немецком и русском языках*, т. 3, под ред. Э.Ю. Соловьёва, А.К. Судакова, Б. Тушлинга и У. Фогеля (М.: Московский философский фонд, 1997), 89 (*AA* IV, 403).

[71] Герцен, «Письма 1847–1850 годов», 292.

[72] Герцен, «Письма 1847–1850 годов», 290.

[73] Герцен, «Письма 1847–1850 годов», 296–297.

Но 20 марта он признался:

> «Иммануил Кант и Эм<иль> Ж<ирарден>», начатые до 10 марта, не клеятся[74].

Поскольку этот замысел не воплотился, а наброски к нему не сохранились, то для того чтобы хотя бы приблизительно представить, о чём в этой заметке могла идти речь и при чём здесь Кант, нужно обратиться к историческим реалиям и тому, что именно «проповедовал» Жирарден. Эмиль де Жирарден, журналист и успешный издатель, был ярким и гибким политиком. Перед дополнительными выборами в Законодательное собрание Второй республики, которые прошли в Париже 10 марта 1850 г., он примкнул к социалистам и хотел баллотироваться в качестве кандидата от левых республиканцев, но избирательный комитет делегатов от социал-демократов его отверг[75]. Герцен следил за его политической деятельностью по крайней мере с 1847 г.[76], и желание написать о нем памфлет наверняка было вызвано предвыборными выступлениями Жирардена. В частности, политическая газета Жирарадена «Пресса» 25 февраля 1850 г. опубликовала ответы последнего на вопросы членов избирательного комитета на заседании 23 февраля. Свои взгляды он охарактеризовал так: «…если послезавтра я республиканец, то накануне я социалист». На вопрос о своей позиции в отношении всеобщего избирательного права он ответил:

> я не верю, что политическая форма может привести исключительно к цели, которую мы хотим достичь. Я ставлю выше всего не всеобщее избирательное право, а всеобщее благосостояние; однако […] [в]сеобщее избирательное право закреплено в Конституции, это завоевание Революции, я привержен ему и буду защищать его так же энергично, как и любой из вас.

---

[74] Герцен, «Письма 1847–1850 годов», 310.

[75] *Dictionnaire des parlementaires français comprenant tous les Membres des Assemblées françaises et tous les Ministres français. Depuis le 1er mai 1789 jusqu'au 1er mai 1889*, publié sous la direction de Adolphe Robert, Edgar Bourloton & Gaston Cougny, tome 3: Fes – Lav (Paris: Bourloton, 1890), 180. См. также: «Les journaux de l'Union électorale…», in *La Voix du Peuple*, No. 147, 26 fevrier 1850, 2.

[76] Герцен, «Письма 1847–1850 годов», 31.

Именно в связи с этим заявлением ему был задан вопрос «о большинстве и меньшинстве»: «Считаете ли вы, что Республика стоит выше большинства?», на что Жирарден ответил:

> если Франция, опробовав Республику, выскажется против нее, я призна́ю право большинства и поставлю всеобщее избирательное право выше Республики.

Отвечая на вопрос о том, какую политику он будет проводить в Законодательном собрании, если станет министром, Жирарден подробнее раскрыл свое отношение к «праву большинства»:

> если я стану министром, моя позиция будет позицией любого министра – стремиться к получению большинства,

которого легко добиться «вернув общественному мнению всю его энергию, восстановив всё его влияние»:

> Верните свободу газетам, верните право на собрания, ради которого вы совершили февральскую революцию, […] и перед лицом общественного мнения, при его свободном выражении министр будет ограничен только численным превосходством своего большинства[77].

Для критики противоречивых популистских заявлений Жирардена[78] Герцен мог использовать, на мой взгляд, две кантовские концепции: учение об антиномиях чистого разума, один из любимых кантовских сюжетов у Герцена[79], и проект просвещения, элементами которого являются совершеннолетие (во всём понятийном богатстве этой метафоры) и свобода публично пользоваться своим разумом. Как Герцен понимал кантовское просвещение и какое отношение это понимание могло иметь к Жирардену, рассмотрим в следующем разделе.

---

[77] «La *Voix du Peuple* et la *Republique* étaient…», in *La Presse*, Quinzieme année, No. 4985, Lundi, 25 fervrier 1850, 1.

[78] Разбор политических взглядов Жирардена см., например, в статье 1869–1870 гг.: П.Н. Ткачев, «Утопическое государство буржуазии (Эмиль Жирарден и его философия)», в *Сочинения в двух томах*, т. 1 (М.: Мысль, 1975), 328–373, особенно 337–341 («О большинстве и меньшинстве»).

[79] Смирнова, «Герцен и Кант», 32–33; Круглов, *Философия Канта в России*, 258–260.

Герценовской проект просвещения в кантовской перспективе

Поскольку прямых документальных подтверждений того, что Герцен читал статью Канта «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», нет, я буду опираться на представленные выше гипотезы и косвенные литературные свидетельства, щедро рассыпанные по герценовским сочинениям. Литературные свидетельства с достаточной, на мой взгляд, убедительностью говорят о том, что Герцен не только был знаком с этим кантовским текстом, но и находился под большим впечатлением от него: основные понятия этой статьи входят в ткань его размышлений и активно используются им в построении собственной концепции. Далее я, пренебрегая хронологическим принципом, но подкрепляя свои тезисы цитатами из герценовских сочинений, постараюсь в общих чертах реконструировать его концепцию просвещения и показать, какое место занимают в ней ключевые понятия кантовского просветительского проекта: (не)совершеннолетие, самостоятельность, Sapere aude! (мужество самостоятельного мышления), моральная автономия, человеческое достоинство, реформа образа мыслей, свобода публично пользоваться своим разумом.

Жажда деятельного переустройства общества через его просвещение ради лучшего будущего вела Герцена с самой юности. 19 июля 1833 г. он писал Огареву:

> мир ждет обновления […] надобно другие основания положить обществам Европы; более права, более нравственности, более просвещения[80].

До предположительного знакомства в 1842 г. с кантовской статьей о просвещении последнее у него связывалось преимущественно с образованием, воспитанием и распространением научных знаний. Выступая на открытии Публичной библиотеки в Вятке 6 декабря 1837 г., он активно использует традиционную

[80] А.И. Герцен, «Письма 1832–1838 годов», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 21 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961), 20.

для просветителей метафору света[81] и воспевает книгу как средство быстрого и широкого распространения знаний, как «программу будущего», а библиотеку – как «открытый стол идей, за который приглашен каждый»[82] (через пять лет он то же самое напишет о науке[83]). Свое представление о *русском просвещении* Герцен выразил в тезисах, удивительно близких тем, которые сформулировал И.В. Киреевский[84] во второй части статьи «Девятнадцатый век» для третьего, неопубликованного, номера «Европейца» (1832): в них говорится о великой роли Петра Первого и последующих русских царей в просвещении России[85] и, главное, о заимствовании достижений европейского просвещения (в тексте Герцена это *наука*) напрямую, в готовом виде, «не делая тех жертв», которых они стоили европейцам[86]. Такого рода

[81] Например: «лучи света тому великому народу, которому только недоставало просвещения, чтоб сделаться первым народом в мире. […] Свет распространяется быстро, потребность ве́дения обнаружилась решительно во всех частях этой вселенной, называемой: Россия» (А.И. Герцен, «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 366). Эта метафора не раз возникает в сочинениях Герцена, например: Герцен, «Дилетантизм в науке», 22, 61, 64, 65, 79.

[82] Герцен, «Речь, сказанная при открытии…», 367–368.

[83] Герцен, «Дилетантизм в науке», 51.

[84] Об отношениях Герцена и Киреевского см.: Ю.В. Манн, «Записка И.В. Киреевского к Герцену», в *Литературное наследство,* т. 99*, Герцен и Огарев в кругу родных и друзей,* под ред. Л.Р. Ланский и С.А. Макашин, кн. 2 (М.: Наука, 1997), 556–562.

[85] А.И. Герцен, «Речь, сказанная при открытии…», 366; И.В. Киреевский, «Девятнадцатый век (окончание)», в *Европеец. Журнал И.В. Киреевского 1832*, под ред. Л.Г. Фризмана (М.: Наука, 1989), 317.

[86] Позднее Герцен переносит эту идею о возможности прямого заимствования из Европы в Россию на социально-политическую сферу: речь об усвоении в России революционных идей без необходимости для этого «проходить через […] ужасные и грозные потрясения […] ради уже достигнутых результатов» (А.И. Герцен, «В редакцию “Польского демократа” [20 мая 1853 г.]», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 12 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957), 72–73).

заимствование молодой Герцен считал залогом бесконечного развития в будущее для России[87].

Однако через пять лет Герцен едко высмеет эту позицию:

> Нам понравилось загребать жар чужими руками, нам показалось, что это в порядке вещей, чтоб Европа кровью и потом вырабатывала каждую истину и открытие […]. Мы проглядели, что ребенок будет у нас – приемыш, что органической связи между нами и им нет […]. Эта наука […] должна не только в каждом принимающем народе, но в каждой личности прозябнуть и возрасти […][88].

> Наука не достается без труда – правда; в науке нет другого способа приобретения, как в поте лица[89].

Рефлексия о науке становится у Герцена своего рода ключом к осмыслению и актуализации его собственного просветительского проекта. В том, как он определяет науку («последовательное развитие разума и самопознания»[90]), как ставит проблему научной философии, как рассматривает отношение науки и человека на разных стадиях развития индивидуального сознания, отчетливо читается влияние гегелевских размышлений из «Предисловия» к «Феноменологии духа». В том же цикле Герцен, однако, использует и понятийный аппарат из кантовского учения о практическом разуме:

> Наука имеет свою *автономию* и свой генезис; свободная, она не зависит от авторитетов; освобождающая, она не подчиняет авторитетам (курсив мой. – *Н.Д.*)[91].

---

[87] А.И. Герцен, «Речь, сказанная при открытии…», 366; Киреевский, «Девятнадцатый век (окончание)», 319. Ср. в «Европейце» № 1: «Там, где *общеевропейское* совпадается (sic! – *Н.Д.*) с нашею *особенностью*, там родится просвещение истинное русское, образованно-национальное, твердое, живое, глубокое и богатое благодетельными последствиями» (И.В. Киреевский, «“Горе от ума” – на московском театре», в *Европеец. Журнал И.В. Киреевского 1832*, под ред. Л.Г. Фризма (М.: Наука, 1989), 109).

[88] Герцен, «Дилетантизм в науке», 10.

[89] Герцен, «Дилетантизм в науке», 12.

[90] Герцен, «Дилетантизм в науке», 21.

[91] Герцен, «Дилетантизм в науке», 21.

> Наука не только сознала свою *самозаконность*, но себя сознала законом мира (курсив мой. – *Н.Д.*)[92].

Таким образом, наука у Герцена функционирует как аналог общечеловеческого разума, но помимо способности к научному познанию, или теоретического разума, Герцен признает у человека и наличие воли, или практического разума («разум положительный, разум творящий»[93]). Нравственная деятельная сторона жизни человека должна стать, согласно Герцену, ведущей после того, как человек поднялся от своей инстинктивной естественной индивидуальности – через ее «погубление» в научной всеобщности – к «свободно разумной личности»[94], к «единичности гражданского лица»[95]. Получается, что именно благодаря просвещению своего разума средствами науки («без ве́дения, без полного сознания нет истинно свободного деяния»[96]) человек открывает в себе способность не только к самостоятельному мышлению («непреложное право свое на возвращение самобытности[97]»[98]), но и к независимому нравственному и социальному действию («гражданская способность *совершать акты*»[99] = совершеннолетие[100]; «политическая зрелость нравственного развития, необходимо выражающаяся в деятельности»[101]). Эту же идею можно найти и в последних строчках кантовской статьи о просвещении:

---

[92] Герцен, «Дилетантизм в науке», 74.

[93] Герцен, «Дилетантизм в науке», 74. Ср.: на волю «следует смотреть также как на *самозаконодательную* и только лишь поэтому подчиненную закону (творцом которого она может считать сама себя)» (Кант, *Основоположение к метафизике нравов*, 175–177 (*AA* IV, 431).

[94] Герцен, «Дилетантизм в науке», 66.

[95] Герцен, «Дилетантизм в науке», 74, ср. 83.

[96] Герцен, «Дилетантизм в науке», 84.

[97] Словом «самобытность» Герцен передает понятие «самостоятельность», что подтверждается и в других контекстах, например: Герцен, «С того берега», 119.

[98] Герцен, «Дилетантизм в науке», 67.

[99] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 475.

[100] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 639.

[101] А.И. Герцен, «Русский народ и социализм (авторизованный перевод)», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 7 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956), 337.

> склонность и призвание к свободному *мышлению* […] постепенно […] воздействует на состояние ума народа (благодаря чему тот становится постепенно всё более способным к *свободе действовать*)[102].

Герцен вслед за Кантом закладывает нравственное требование в сам акт познания, используя для передачи этого требования выражение «Sapere aude!»[103] (в собственном переводе):

> В душе, чистой от предрассудков, наука может опереться на свидетельство духа о своем достоинстве, о своей возможности развить в себе истину; от этого зависит *смелость знать*, *святая дерзость сорвать завесу* с Изиды и вперять горящий взор на обнаженную истину, *хотя бы то стоило жизни, лучших упований*[104] (курсив мой. – *Н.Д.*).

---

[102] Иммануил Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» в *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*, т. 2, *Сочинения по философии политики*, под ред. В.А. Чалого (Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024), 55 (*AA* VIII, 41).

[103] Подобным же образом в конце XVIII в. интерпретировал этот призыв один из ранних кантианцев Христиан Вильгельм Снелль: Christian W. Snell, *Die Sittlichkeit in Verbindung mit der Glückseligkeit einzelner Menschen und ganzer Staaten, aus zwei gekrönten Preisschriften zusammengezogen und mit beständiger Rücksicht auf die Kantische Moralphilosophie ganz neu bearbeitet* (Frankfurt am Main: In der Gebhard- und Körberschen Buchhandlung, 1790), 412. См. об этом: Н.А. Дмитриева, «Was ist Aufklärung? Die Antwort der Brüder Snell», *Вопросы философии*, № 12 (2024): 144.

[104] Герцен, «Дилетантизм в науке», 22. Ср.: Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 48 (*AA* VIII, 35). Идеи, изложенные Герценом в этой статье, датированной 25 апреля 1842 г., созвучны также строчкам гегелевской «Берлинской вступительной речи» о «мужестве истины» и «мужестве познания» (G.W.F. Hegel, «Berliner Antrittsrede (1818)», in *Berliner Schriften (1818–1831) voran gehen Heidelberger Schriften (1816–1818)*, hrsg. Walter Jaeschke (Hamburg: Meiner, 1997), 48 (строки 28–35)), которые Герцен цитирует в своем дневнике 1 июля 1844 г. (Герцен, «Дневник, 1844», 362). Позднее, в связи с постановкой философского вопроса о материальности/идеальности мира, Герцен снова цитирует выражение Горация – Канта и называет плеяду философов, занимавшихся этим вопросом, – «от семи греческих мудрецов до Канта и Гегеля» – «все дерзавшие думать» (Герцен, «Былое и думы. Ч. IV», 203).

Следующий шаг Герцена в развитии проекта просвещения – осмысление понятия совершеннолетия, результатом чего становится признание нравственной автономии необходимым аспектом совершеннолетия для достижения просвещенного состояния деятельной гражданственности. В статьях цикла «С того берега» Герцен замечает в этой связи:

> Какие мы дети, какие мы еще рабы, и как весь центр тяжести, точка опоры нашей воли, нашей нравственности – вне нас![105]

Но,

> [д]остигнув совершеннолетия, мы слишком заняты, слишком ленивы, а может, и слишком трусы, чтоб подвергнуть строгому суду наши нравственные заповеди, – так дело и остается в *сумерках*[106] (курсив мой. – *Н.Д.*).

В последней цитате обращает на себя внимание то, *как* Герцен использует понятие совершеннолетия. Помимо указания на юридический статус лица[107] («социальное совершеннолетие»[108]), это понятие в просветительской перспективе включает у Герцена два значения: 1) сформированная способность мыслить самостоятельно («умственное совершеннолетие»[109], «трезвое совершеннолетие в науке»[110]) – именно это значение подразумевается в указанной цитате; и 2) мужество самостоятельного

---

[105] Герцен, «С того берега», 128.

[106] А.И. Герцен, «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 6 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955), 134.

[107] См., например: Герцен, «Былое и думы. Ч. I–III», 66, 109, 150; А.И. Герцен, «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 12 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957), 362 (юридическое несовершеннолетие женщины).

[108] А.И. Герцен, «Первый шаг к освобождению крестьян в России (перевод)», *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 13 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 154.

[109] Герцен, «Былое и думы. Ч. I–III», 346 (сн.).

[110] А.И. Герцен, «Былое и думы, 1952–1968. Часть V», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 10 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956), 171.

мышления, воплощающееся в свободном морально значимом деянии («гражданское совершеннолетие»[111]).

Первое значение прочитывается, например, в письме к Огареву от 14 ноября 1830 г., в котором Герцен характеризует себя и их московских друзей как еще не достигших совершеннолетия и поясняет:

> не достигли того гармонического развития, тех верований и убеждений, в которых бы мы могли основаться на всю жизнь и которые бы осталось развивать, доказывать, проповедовать[112].

Со способностью пользоваться собственным умом Герцен тесно связывает морально-антропологическое понятие характера. Подобно Канту, который полагал, что с моральной точки зрения наличие характера («практически последовательного образа мышления по неизменным максимам»[113]) у человека является показателем его разумности и свободной воли[114], Герцен записывает в дневнике 13 июля 1843 г.:

> Как мало целых, трезвых натур! Иной и трезвее других разумом, эстетическим чувством, да *характеру* ни на грош. Не признак ли это несовершеннолетия?[115] (курсив мой. – *Н.Д.*)

А 14 (2) июля 1862 г. разъясняет ту же мысль сыну Александру:

> Если ты серьезно вызовешь *силу воли*, если ты имеешь то, что называется *характер* – persévérance [настойчивость, стойкость], ты

---

[111] А.И. Герцен, «Лишние люди и желчевики», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 14 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 321; А.И. Герцен, «Vivat Polonia», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 15 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 48.

[112] А.И. Герцен, «Письма 1839–1847 годов», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 22 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961), 53.

[113] Иммануил Кант, *Критика практического разума*, в *Сочинения на немецком и русском языках*, т. 3, под ред. Э.Ю. Соловьёва, А.К. Судакова, Б. Тушлинга и У. Фогеля (М.: Московский философский фонд, 1997), 701 (*AA* V, 152).

[114] Иммануил Кант, *Антропология в прагматическом отношении*, в *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*, т. 1, *Сочинения по антропологии*, под ред. А.Г. Жаворонкова (Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024), 341 (*AA* VII, 285).

[115] Герцен, «Дневник. 1843», 298.

> начнешь совершеннолетнюю жизнь. – Ученым или артистом, политическим человеком или чем хочешь, но человеком, твердо идущим, *на твердых нравственных основах* – гласным, а не согласным[116] (курсив мой. – *Н.Д.*).

Второе значение совершеннолетия подразумевает осознание человеком своей нравственной автономии и свободы, или, как выражается Герцен, «нравственной независимости»[117], обеспечивающей «ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитие свободной жизни в обществе»[118]. Поэтому требование, которое он выдвигает – освободить самого себя, чтобы освободить человечество[119].

Но человеку необходимо настоящее мужество, ему «надобно быть гигантом»[120], чтобы выйти из состояния несовершеннолетия, потому что «страшна ответственность самобытности…»[121], ведь «он с молоком матери сосет дурман» в виде искаженных понятий, искусственных привычек-потребностей, общепринятых заблуждений и суеверий. Эти мысли, записанные Герценом не без влияния Руссо, завершаются метафорой, напоминающей пример Канта с ходунками/помочами (Gängelwagen/Gängelband)[122] и мнимой опасности, которая якобы грозит тем, кто освободится от них:

> Какую же надобно иметь силу мышления, чтоб заподозрить этот нравственный чад и уже с кружением головы броситься

---

[116] А.И. Герцен, «Письма. 1860–1863», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 27, кн. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1968), 234.

[117] Герцен, «С того берега», 120.

[118] Герцен, «С того берега», 119.

[119] Герцен, «С того берега», 119.

[120] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 228. Примером такого человека-«гиганта» у Герцена является М.А. Бакунин: «Независимость, автономия разума – вот что было тогда его знаменем, и для освобождения мысли он вел войну с религией, войну со всеми авторитетами. […] [В] нём пыл пропаганды сочетался с огромным личным мужеством» (А.И. Герцен, «Русский народ и социализм», 354).

[121] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 90.

[122] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 48–49 (*AA* VIII, 35–36); Кант, *Критика практического разума*, 699 (*AA* V, 152).

> из него на чистый воздух, которым вдобавок стращают все вокруг![123]

Герцен воспользовался кантовской метафорой в немецкой версии своей статьи «Omnia mea mecum porto»[124] в контексте обсуждения вопроса о моральной автономии[125], а в «Былом и думах» он ввел альтернативный образ – корсет:

> Есть несовершеннолетние натуры, которые не могут себя вести сами, так как есть лимфатические сложения, которым необходим корсет, чтоб позвоночный столб не гнулся[126].

Герцен подробно анализирует трудности освобождения человека «в разуме и разумом»[127]. И то, *как* он формулирует свои мысли, не оставляет никаких сомнений в его знакомстве с кантовской статьей о просвещении. В «Новых вариациях на старые темы» (1847) он сначала размышляет о заблуждениях и предрассудках, которые порождают «мучительные противоречия» в человеческой жизни, а затем в свободной форме пересказывает второй и третий абзацы кантовской статьи[128]: предрассудки

> поддерживаются привычкой, ленью, робостью и, наконец, младенчеством мысли, не умеющей быть последовательною и уже развращенной принятием в себя разных понятий без корня и без оправданья, рассказанных добрыми людьми и принятых на честное слово. Это совершенно противно духу мышления, но оно очень легко: вместо труда и пота – орган слуха, вместо логической наготы – готовое богатство, вместо нравственной ответственности перед самим собою – младенческая зависимость от внешнего суда[129].

---

[123] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 228.

[124] Русская версия этого текста вошла в цикл «С того берега».

[125] «Взрослому человеку больше не нужны помочи (Gängelband) – только ребенок позволяет водить себя на них» ([Alexander Herzen], «Omnia mea mecum porto. Eine freundschaftliche Admonition», *Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben*, 1850, 8, 241.

[126] Герцен, «Былое и думы. Ч. V», 347.

[127] Герцен, «Былое и думы. Ч. V», 208.

[128] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 48–49 (*AA* VIII, 35–36).

[129] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 87.

И далее:

> Лень и привычка – два несокрушимые столба, на которых покоится авторитет. Авторитет представляет, собственно, опеку над недорослем; лень у людей так велика, что они охотно сознают себя несовершеннолетними или безумными, лишь бы их взяли под опеку и дали бы им досуг есть или умирать с голоду, а главное – не думать и заниматься вздором[130].

Герцен напрямую связывает «любовь к подвластности, к авторитетам» с «самопрезрением» и «уничтожением своего достоинства»[131]. И в этом тоже просматривается кантианское влияние: размышлением о человеческом достоинстве завершается кантовская статья о просвещении[132], этому же понятию посвящены многие страницы кантовских «Основоположения…» и «Критики практического разума», а также сочинений любимого Герценом Шиллера, который формулировал свою концепцию человеческого достоинства под воздействием Канта и в споре с ним. Так, анализируя модели поведения в притче о «добром самаритянине» (Лк. 10:30–35), Шиллер подчеркивает, что лишь тот поступок можно назвать морально прекрасным, когда человек «*исполнил свой долг с такой легкостью, словно им двигал только инстинкт*», иными словами, «когда исполнение долга сделалось его природой»[133]. Герцен связывает такой модус поступка с осознанием человеком своей свободы и нравственной автономии, а вместе с ними и долга, т.е. с достижением совершеннолетия:

> Если долг мною сознан, то […] [его] исполнение мне не жертва, не самоотвержение, а мой естественный образ действия […]. Человек, дошедший до сознания своего достоинства, поступает человечески потому, что ему так поступать естественнее, легче, свойственнее, приятнее, разумнее […][134].

---

[130] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 90.

[131] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 92.

[132] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 55 (*AA* VIII, 41–42).

[133] Ф. Шиллер, «Каллий, или О красоте», в *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 6 (М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957), 87.

[134] Ср.: Герцен, «Письма об изучении природы», 195.

> Человек, не дошедший до сознания [своего достоинства], – дитя, больной, неполный человек, недоросль; он вне закона нравственного, потому что он его не понимает своим законом[135].

Далее он поясняет соотношение этих понятий через понятие «своеволия», т.е. своей собственной свободной воли («*разумное признание своеволия есть высшее нравственное признание человеческого достоинства* […]»[136]), в отличие от «чужеволья», т.е. авторитарно навязываемой внешней воли («[…] что же за нравственная обязанность быть под авторитетом *чужеволья*?»[137]). Герцен иллюстрирует понятие «своеволия» указанием на свободное волевое деяние Кузьмы Минина, который «начал *своевольно* великое дело восстания против чужеземного порабощения» (курсив мой. – *Н.Д.*)[138].

Еще один значимый элемент в просветительском проекте Герцена, тоже имеющий связь с кантовской статьей о просвещении, – это, в кантовской формулировке,

> самостоятельно мыслящие, которые, сами сбросив иго несовершеннолетия, распространя[ю]т вокруг себя дух разумного уважения собственной ценности и призвания каждого человека мыслить самостоятельно[139],

т.е. просветители (в широком смысле слова). Кант, как можно заметить, очень неопределенно говорил о том, как они должны появиться в человечестве: «…всегда найдутся самостоятельно мыслящие…», «…немногие, кому удалось благодаря собственной работе над своим духом…»[140], «…природа раскрыла […] зародыш […], а именно склонность и призвание к свободному мышлению»[141], – и это вызывает справедливые вопросы: каким

---

[135] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 93–94.

[136] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 97.

[137] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 97 (примеч. 2).

[138] Герцен, «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы», 97.

[139] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 49 (*AA* VIII, 36).

[140] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 49 (*AA* VIII, 36).

[141] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 55 (*AA* VIII, 41).

образом «найдутся»? почему только «немногие»? что инициировало их работу над своим духом?.. если речь о «природе», что бы это понятие ни значило, то почему у одних этот зародыш развивается, а у других – нет?.. Для Герцена этот совокупный вопрос становится одним из главных: кто и как просветит народ?

В ранней статье (1833 г.), посвященной Петру Первому, Герцен пишет – и тоже довольно неопределенно – о «развивателях», которых на их «высокую должность» в качестве «орудий идей» обрекает «развитие человечества». Однако это не слепые «орудия» истории: успех их деятельности зависит от их «самобытности» (= самостоятельности) и ясного понимания ими того, «что́ они совершают»[142]. Спустя десятилетие Герцен назовет людей, выполняющих функцию «развивателей», «*образованными* людьми»: они составляют

> передов[ую] фаланг[у] человечества, которая первая освещается восходящей идеей и первая побивается грозой[143].

Герцен отличает образованных людей от «цеховых» ученых, т.е. узких специалистов в той или иной сфере науки, мысль которых «всегда подавторитетна»[144]. Но, с другой стороны, именно наука – тот необходимый этап в развитии человека, который «надобно прожить», усвоить как «живую истину, раскрывающуюся в живом организме своем»[145]. Поэтому «образованные люди» всегда появлялись в обществах, где «накапливалось немного образования»[146]. Герцен полагает, что научное знание, ставшее фактом сознания человека и приложенное к проблемам современности, побуждает своего носителя действовать[147], потому что человек «не может примириться, пока всё окружающее не приведено в согласие с ним»[148], т.е. с его разумом,

---

[142] А.И. Герцен, «Двадцать осьмое января», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954), 30.

[143] Герцен, «Дилетантизм в науке», 57.

[144] Герцен, «Дилетантизм в науке», 53.

[145] Герцен, «Дилетантизм в науке», 68.

[146] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 232.

[147] Герцен, «Дилетантизм в науке», 69.

[148] Герцен, «Дилетантизм в науке», 77.

просвещенным наукой. В статье 1862 г. он замечает, метафорически поясняя побуждение к деятельности:

> Человеку, видящему свет, страшно тяжело оставить других во тьме[149].

> В разумном, нравственно свободном и страстно энергическом деянии [человек становится] представител[ем] рода и самого себя, жив[ым] и сознательны[м] орган[ом] своей эпохи[150],

т.е. тем, кто может и должен просвещать других людей. Герценовская «фаланга» образованных людей открыта представителям всех слоев общества обоих полов, а ее численность зависит от «степени просвещения страны»[151].

Однако, когда речь заходит о численности «образованных людей», Герцен закономерно задается вопросом: «может ли это исключительное развитие сделаться общим?»[152]. Его ответ неоптимистичен. Но то, что такие люди время от времени появляются в человечестве[153], доказывает, полагает Герцен, «возможность человека развиваться до разумного пониманья»[154]. Пусть их немного, всего «несколько человек»[155], но они и есть та «нравственная сила»[156], которая ведет человечество к совершеннолетию[157].

---

[149] Герцен, «Мясо освобождения», т. 16 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959), 28.

[150] Герцен, «Дилетантизм в науке», 71.

[151] Герцен, «Дилетантизм в науке», 57.

[152] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 232.

[153] Например, декабристы, в лице которых «[*деятельная*] Россия доказала свое политическое совершеннолетие»: А.И. Герцен, «Русский заговор 1825 года (перевод)», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 13 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 143; ср.: А.И. Герцен, «Письмо к императору Александру II [1857]», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 13 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 45.

[154] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 232.

[155] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 232.

[156] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 307.

[157] См. о необходимости выхода к совершеннолетию: «…деятельное меньшинство […] должно было волею или неволею увлечь за собою всю массу» (А.И. Герцен, «Русские немцы и немецкие русские» в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 14 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 154).

Еще одной особенностью просветительского проекта Герцена является то, что в нём понятие (не)совершеннолетия применяется для характеристики состояния развития не только человека, но и народа/человечества. В этом, на мой взгляд, сказалось влияние Лессинга и Шиллера. Герцен высоко ценил «Лессингово воспитание человечества», ставя его в один ряд с «велик[ими] и пророческ[ими]» «Письмами об эстетическом воспитании» Шиллера[158]. Идея «выхода из поры детства»[159] применяется Лессингом как к человеческому роду в целом, так и к отдельному человеку[160]. Правда, Герцен считал, что определять развитие человечества через понятие «воспитание» неверно, но допускал, что это понятие удачно «в известных пределах»:

> В самом деле, человечество доселе имеет ясные признаки *несовершеннолетия*; оно мало-помалу воспитывается в сознание. […] [Т]аков инстинктуальный путь развития естественного, бессознательного к сознанию, к *себяобладанию* (курсив мой. – *Н.Д.*)[161],

т.е. автономии, самостоятельности. О совершеннолетии *народа* писал и любимый Герценом Шиллер[162]. У Канта также имеется замечание о коллективном просвещении, или «воспитании» целой «эпохи»[163].

Сам Герцен идею воспитания человечества одновременно и критикует, как мы видели, и применяет к своему анализу.

---

[158] Герцен, «Дневник, 1843 г.», 298.

[159] Г. Лессинг, «Воспитание человеческого рода (1780)», в *Лики культуры: Альманах. Том первый*, сост. С.Я. Левит (М.: Юрист, 1995), 497 (§ 89).

[160] Лессинг, «Воспитание человеческого рода (1780)», 498 (§ 93).

[161] Герцен, «Дилетантизм в науке», 85.

[162] Фридрих Шиллер, «Письма об эстетическом воспитании человека», в *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 6 (М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957), 256.

[163] Иммануил Кант, «Что значит ориентироваться в мышлении?», в *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*, т. 2, *Сочинения по философии политики*, под ред. В.А. Чалого (Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024), 113, примеч. (*AA* VIII, 146 Anm.). См. подробнее: А.Н. Круглов, «Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I», *Кантовский сборник* 49, № 3 (2014), 32–33.

И хотя он в осмыслении истории опирается преимущественно на гегелевские «Философию истории» и «Философию права», но всё же пользуется понятием «совершеннолетие» из кантовского лексикона. В частности, он указывает на два признака совершеннолетия человечества: во-первых, это рефлексия о собственной истории и своем актуальном состоянии, или «самопознание», начало которого Герцен помещает в середину XVIII в. и считает завершением «воспитания» человечества:

> человечество […] стало спрашивать отчета в своей жизни, провидя, что оно недаром идет и что биография его имеет глубокий и единый всесвязывающий смысл[164].

Во-вторых, это сформированная в результате научного изучения и осознания человечеством своего состояния, т.е. в результате «самопознания», потребность преобразования человеческой жизни («потребность выхода из науки», «дело сознательного деяния»)[165].

Эти два признака, а в более поздних сочинениях, скорее, два типа совершеннолетия Герцен находит и осмысливает в истории и современности народов/человечества. Наиболее общая формула совершеннолетия гласит: «свобода – свидетельство совершеннолетия человеческого рода»[166]. Исходя из этой формулы, монархия должна быть преодолена, ибо зиждется на «неразумье и невежестве»[167] народа, «выражает меру народного несовершеннолетия, меру народной неспособности к самоуправлению»[168] и прямо заинтересована в его «вечном несовершеннолетии»[169]. Ее русская версия – «всепоглощающая

---

[164] Герцен, «Дилетантизм в науке», 87.

[165] Герцен, «Дилетантизм в науке», 87.

[166] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 501.

[167] А.И. Герцен, «К старому товарищу», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 20, ч. 2 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960), 584.

[168] Герцен, «Русские немцы и немецкие русские», 166.

[169] А.И. Герцен, «Опять в Париже», в *Собрании сочинений в 30 т.*, т. 5 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955), 366; ср.: А.И. Герцен, «Письма из Франции и Италии», в *Собрании сочинений в 30 т.*, т. 5 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955), 183 (Письмо 11, 1 июня 1849 г.).

диктатура» – характеризуется Герценом как «опека, оканчивающаяся с совершеннолетием»[170].

Вместе с тем сама по себе свобода народа, его независимость

> ничего не дает, кроме прав совершеннолетия, […] кроме признания гражданской способности *совершать акты*[171].

Более того, полное освобождение происходит не сразу:

> всякое историческое движение является не чем иным, как постоянным освобождением от одного рабства после другого, от одного авторитета после другого, пока оно не придет к самому полному соответствию разума и деятельности[172],

т.е. к подлинной свободе.

Много пищи для размышлений о путях и результатах различных попыток освобождения и достижения совершеннолетия давала Герцену не только российская, но и французская политическая реальность, сталкивая его с парадоксами «хода дел человеческих»[173], как писал Кант в своей статье о просвещении. Одним из таких событий стали выборы в Учредительное собрание в период революции 1848 г., когда в результате объявления всеобщего избирательного права (для мужчин, достигших 21 года) и крайне непопулярной финансовой политики Временного правительства в отношении крестьянства в Собрание было избрано подавляющее большинство консервативных республиканцев и монархистов. Герцен характеризовал это как ошибку в оценке «возраста» народа («*дети*, *дикие*, *чернь*», «темная масса»[174]) и в «степени пониманья» народом социально-политических реалий:

---

[170] А.И. Герцен, «Америка и Сибирь», в *Собрании сочинений в 30 т.*, т. 13 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958), 401.

[171] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 475.

[172] А.И. Герцен, «Письмо о свободе воли», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 20, ч. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960), 441–442.

[173] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 55 (*AA* VIII, 41).

[174] Герцен, «Опять в Париже», 366.

> Всеобщая подача голосов, навязанная неприготовленному народу, послужила бы для него бритвой, которой он чуть не зарезался[175].

Герцен рассматривает как это просчитанный «ход» Временного правительства, которое стремилось к тому, чтобы «*пасти* народ и заставить его склонить свою выю под иго Собранья». В результате

> народ вместо воспитания – отброшен назад, монархический принцип укреплен, он тверже, нежели был при Людвиге-Филиппе, потому что покрыт именем республики[176].

Таким образом, освободившись от одного «авторитета» – монарха, народ получил другой – консервативно-монархически окрашенное Учредительное собрание.

Именно поэтому Герцен настаивает на том, чтобы освобождение человечества начиналось с освобождения отдельного человека, с достижения каждым полного совершеннолетия[177]:

> Социальная идея, нравственная идея существуют лишь при условии личной автономии[178].

По-видимому, отсутствием личной автономии у большинства народа при наличии внешней свободы Герцен объясняет ту же парадоксальную закономерность, которую Кант описывает в завершение своей статьи о просвещении. Кант, ведомый еще верой в просвещенного монарха, замечает:

> Бóльшая степень гражданской свободы кажется предпочтительнее для свободы *духа* народа, однако ставит ей непреодолимые

---

[175] Герцен, «К старому товарищу», 584.

[176] Герцен, «Опять в Париже», 367. Вероятно, эти размышления о соотношении «темного» большинства (крестьянства) и просвещенного меньшинства (рабочих) в условиях всеобщего избирательного права должны были найти воплощение в «кантианском» памфлете о Жирардене.

[177] Герцен, «С того берега», 119.

[178] Герцен, «Письмо о свободе воли», 441. Ср.: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*» (Герцен, «К старому другу», 590).

> преграды; напротив, меньшая степень первой дает ему простор развернуться во всю его мощь[179].

Герцен анализировал этот парадокс на примере Северной Америки и пришел к выводу:

> Чем страна свободнее от правительственного вмешательства, чем больше признаны ее права на слово, на независимость совести, тем нетерпимее делается толпа, общественное мнение становится застенком; ваш сосед, ваш мясник, ваш портной, семья, клуб, приход держат вас под надзором и исправляют должность квартального. Неужели только народ, не способный к внутренней свободе, может достигнуть свободных учреждений?[180]

Под «народом, не способным к внутренней свободе» Герцен имеет в виду прежде всего мещанство – массовый слой западного капиталистического общества, «основанный на безусловном самодержавии собственности»[181]. Типичным представителем этого слоя Герцен считает грибоедовского Молчалина. Он уверен, что мещанство во главе с «*хозяином*-лавочником»[182], «купцом» превратит правительство в своего приказчика,

> у него на пристяжке пойдут его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолетнего рода человеческого – адвокаты, судьи, нотариусы и пр.[183]

Герцен полагает, что формирование мещанства – это одновременно и шаг вперед по сравнению «олигархически-военным» устройством общества, и «прекращение роста – начало совершеннолетия»[184]. Такого рода «совершеннолетие» стало идеалом европейских обществ, к нему устремился и «весь *образованный* мир»[185]. Это совершеннолетие ума, которое достигается

---

[179] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», т. 2, 55 (*AA* VIII, 41).

[180] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 227.

[181] А.И. Герцен, «Концы и начала», в *Собрании сочинений в 30 т.*, т. 16 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959), 137.

[182] Герцен, «Концы и начала», 137.

[183] Герцен, «Концы и начала», 147–148.

[184] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 250–251.

[185] Герцен, «Концы и начала», 137.

образованностью, но не совершеннолетие нравственное, не моральная автономия, которая лежит в основе социального преобразующего действия. Такое одностороннее совершеннолетие, при котором к тому же остаются в невежестве крестьяне и рабочие, Герцен называет «*роковым просвещением*»[186]. Поэтому он уверен, что

> все опекуны и пастухи, дядьки и мамки могут спокойно есть и спать на счет недоросля. Какой бы вздор народы ни потребовали, на нашем веку они не потребуют право совершеннолетия. Человечество еще долго проходит с отложными воротничками à l'enfant[187].

В ситуации победившего мещанства Герцен в поздних своих сочинениях всё больше склоняется к кантовскому принципу постепенного просвещения («публика может достигнуть просвещения лишь постепенно»[188]). Кант полагал, что просветить разум посредством революции невозможно:

> Посредством революции можно, пожалуй, избавиться от личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя осуществить истинную реформу образа мыслей; напротив, новые предрассудки, так же как и старые, будут служить помочами для большой бездумной толпы[189].

Герцен вторит Канту:

> Знание и пониманье не возьмешь никаким coup d'Etat и никаким coup de tête[190];

---

[186] А.И. Герцен, «Письма к путешественнику», в *Собрании сочинений в 30 т.*, т. 18 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959), 362.

[187] Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 227–228.

[188] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 49 (*AA* VIII, 36), ср. 54 (*AA* VIII, 41). Эта идея была подхвачена также младшими современниками Канта, в частности Х.В. Снеллем. См. об этом: Дмитриева, «Was ist Aufklärung? Die Antwort der Brüder Snell», 143–145.

[189] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 49 (*AA* VIII, 36).

[190] Герцен, «К старому товарищу», 576.

> Знание неотразимо – но оно не имеет принудительных средств – излеченье от предрассудков медленно, имеет свои фазы и кризисы. […] [Н]асильем можно разрушать и расчищать место – не больше[191].

Критикуя деятелей Французской революции, он подчеркивает, что нельзя *приказать* народу «видеть в темноте», чтобы тем самым скорее вывести его к совершеннолетию, нельзя обращаться с ним «как с материалом благосостояния, как с *мясом освобождения*»[192]: любые подобные попытки приведут к «страшнейшим столкновениям»[193] и террору. Герцен убежден, что для успешного социального преобразования жизни нужны не только социальная сила и средства, но и знание законов общественного развития, понимание происходящих исторических процессов[194]:

> Во имя разума, во имя света и только во имя их победится тьма. Оттого-то и не удались все революции, что они шли не под хоругвию *разума*, а чувств, верований[195].

Но процесс пробуждения и просвещения разума требует постоянной работы и времени:

> Постепенность так, как непрерывность, неотъемлема всякому процессу разуменья[196].

В качестве средства для просвещения разума в народе Герцен ратует за бесцензурное публичное высказывание: «свободное слово», «свободу мысли» («Для мысли настает время зрелости, в которое ее не могут более сковать ни цензурные меры, ни осторожность»[197]; «свободная мысль становится силой, вла-

---

[191] Герцен, «К старому товарищу», 577–578.

[192] Герцен, «Мясо освобождения», 28.

[193] Герцен, «К старому товарищу», 583.

[194] Герцен, «К старому товарищу», 580.

[195] А.И. Герцен, «Ответ», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 12 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957), 317.

[196] Герцен, «К старому товарищу», 583.

[197] Герцен, «Русский народ и социализм», 337.

стью, признанной ее врагами»[198]), «гласность»[199] и «проповедь», т.е. пропаганду («…проповедь неустанная, ежеминутная, – проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину»[200]). Он не рефлексирует, подобно Канту, кому и как следует пользоваться разумом, – из контекста ясно, что он имеет в виду прежде всего «фалангу» образованных людей (у Канта: ученый, Gelehrter[201]) из своих ранних сочинений. Позднее он более дифференцированно и осторожно высказывается об образованном слое («неясность, сбивчивость самых элементарных понятий поражают в мире *свободного мышления*, в высших сферах оппозиций и революции…»[202]; «весь *образованный* мир» устремился в мещанство[203]). Но вся деятельность его Вольной русской типографии, взявшей на себя «ответственность первой свободной русской речи»[204], была реализацией кантовского принципа публичного использования разума, а для самого Герцена – его «практическим совершеннолетием»[205].

* * *

Завершая реконструкцию герценовского проекта просвещения, можно констатировать, что, во-первых, Герцен принял кантовскую статью о просвещении в качестве основополагающей модели для собственного проекта, не оставив без внимания ни одно из ключевых понятий этой модели; во-вторых, отвлекшись

---

[198] А.И. Герцен, «Prolegomena (перевод)», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 20, ч. 1 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960), 70.

[199] Герцен, «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», 36; Герцен, «Былое и думы. Ч. VI–VIII», 307.

[200] Герцен, «К старому товарищу», 593.

[201] Кант, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», 50 (*AA* VIII, 37).

[202] Герцен, «К старому товарищу», 579 (сн. 1).

[203] Герцен, «Концы и начала», 137.

[204] А.И. Герцен, «Порядок торжествует!», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 19 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960), 189.

[205] А.И. Герцен, «М.Ф. Корш, 22 июля 1858 г.», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 26 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962), 193.

от «дел религии», на примере которых Кант развивал аргументацию своего проекта, Герцен эксплицитно усилил нравственную составляющую своего проекта просвещения концептами из кантовско-шиллеровской моральной философии, что у Канта в статье конденсировалось в девизе «имей мужество…!» и заключительной фразе о достоинстве человека; в-третьих, Герцен экстраполировал «логику» просвещения отдельного человека, предложенную Кантом, на народ/человечество, соединив кантовское понятие совершеннолетия с понятием воспитания человеческого рода Лессинга. В-четвертых, подробный текстовый анализ сочинений Герцена показал, что он не мог не читать кантовской статьи о просвещении в оригинале – такое количество близких к тексту пересказов кантовских мыслей, использование одних и тех же метафор и мыслительных ходов не может быть следствием поверхностного знакомства по какому-либо обзору. С несколько меньшей уверенностью, но всё же с большой вероятностью можно утверждать, что Герцен читал кантовские «Основположение к метафизике нравов», «Критику чистого разума»[206] и «Критику практического разума». Рациональность и даже культ разума, пронизывающие все его сочинения и фундирующие его просветительский проект, унаследованы Герценом не только от Гегеля, но и от Канта. В-пятых, Герцен изучал Канта не с целью стать университетским профессором-кантоведом, а для того чтобы встать на одну интеллектуальную высоту со своей эпохой и претворять это знание в социальное действие. Отсюда – подчас достаточно вольное соединение кантовских идей с Гегелем, Фейербахом и материалистами XIX в., в котором, однако, всегда сохранялись по-кантовски определяемые понятия свободы воли, нравственной автономии, самозаконодательного разума, лежавшие в основе его просветительского проекта.

Уважение к Канту Герцен пронес через всю жизнь: в письме к другу семьи и воспитательнице его дочери Ольги, Мальвиде фон Мейзенбург, от 28 февраля 1866 г. он дает рекомендации для своего сына Александра, начинающего профессио-

[206] См. упоминание: Герцен, «С того берега», 333.

нальную карьеру, и советует Канта в качестве обязательного автора:

> Изучать Конта (и Литтре) отлично для натуралиста и вполне можно начать с него, а кончить Кантом[207].

Список литературы / References

Бакунин, М.А. «О философии». В *Избранные философские сочинения и письма*. Под редакцией В.Ф. Пустарнакова, 175–191. М.: Мысль, 1987.

(Bakunin, Mikhail A. [«On Philosophy»]. In [*Selected Philosophical Writings and Letters*]. Edited by Vladimir F. Pustarnakov, 175–191. Moscow: Mysl' Publ., 1987 (in Russian)).

Белинский, В.Г. *Письма. Три тома.* Редакция и примечания Е.А. Ляцкого. Т. III. [*1843–1848*]. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914.

(Belinsky, Vissarion G. [*Letters. Three Volumes*]. Edited and annotated by Evgeni A. Lyatsky. Vol. III. [*1843–1848*]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1914 (in Russian)).

Блохин, В.В. *Русский Вольтер. Герцен: диссидент, писатель, утопист. Очерки жизни и мировоззрения*. Предисловие Р.А. Арсланова. М.: Весь Мир, 2024.

(Blokhin, Vladimir V. *Russian Voltaire. Herzen: Dissident, Writer, Utopian. Essays on His Life and Worldview*. Foreword by Rafael A. Arslanov. Moscow: Ves' Mir Publ., 2024 (in Russian)).

Введенский, А.И. «Судьбы философии в России (1898)». В *Философские очерки*, 1–38. СПб.: Тип. Балашов и Ко., 1901.

(Vvedensky, Aleksandr I. [«The Fate of Philosophy in Russia (1898)»]. In [*Philosophical Essays*], 1–38. St. Petersburg: Balashov & Co. Publ., 1901 (in Russian)).

Гегель, Г.В.Ф. *Феноменология духа*. [Перевод Г. Шпета, вступительная статья К.А. Сергеева, Я.А. Слинина]. СПб.: Наука, 1999.

(Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. *Phenomenology of Spirit*. [Translated by Gustav Shpet, with an introductory article by Konstantin A. Sergeev and Yaroslav A. Slinin]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Америка и Сибирь». В *Собрании сочинений в 30 т.* Т. 13, 398–403. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

[207] А.И. Герцен, «Письма 1865–1866 годов», в *Собрание сочинений в 30 т.*, т. 28 (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963), 160, 161 (перевод).

(Herzen, Alexander. [«America and Siberia»]. In [*Collected Works in 30 vols.*]. Vol. 13, 398–403. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 1, 36–51. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Analytical Exposition of Copernicus' Solar System»]. In [*Collected Works in 30 vols.*]. Vol. 1, 36–51. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Былое и думы, 1852–1868. Части I–III». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 8. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

(Herzen, Alexander. «My Past and Thoughts, 1852–1868. Parts I–III». In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 8. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Былое и думы, 1852–1868. Часть IV». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 9. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

(Herzen, Alexander. «My Past and Thoughts, 1852–1868. Part IV». In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 9. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Былое и думы, 1852–1868. Часть V». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 10. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

(Herzen, Alexander. «My Past and Thoughts, 1852–1868. Part V». In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 10. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Былое и думы, 1852–1868. Части VI–VIII». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 11. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

(Herzen, Alexander. «My Past and Thoughts, 1852–1868. Parts VI–VIII». In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 11. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957 (in Russian)).

Герцен, А.И. «В редакцию "Польского демократа"». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 12, 72–79. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

(Herzen, Alexander. [«"To the Editorial Board of the "Polish Democrat"»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 12, 72–79. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Двадцать осьмое января». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 1, 29–35. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Twenty-Eighth of January»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 1, 29–35. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Дилетантизм в науке». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 3, 5–88. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Dilettantism in Science»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 3, 5–88. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Дневник, 1842 г.». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 2, 201–255. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Diary, 1842»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 2, 201–255. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Дневник, 1843 г.». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 2, 256–323. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Diary, 1843»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 2, 256–323. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Дневник, 1844 г.». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 2, 324–399. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Diary, 1844»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 2, 324–399. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Дневник, 1845 г.». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 2, 400–413. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Diary, 1845»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 2, 400–413. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 6, 133–141. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

(Herzen, Alexander. [«Donoso Cortés, Marquis of Valdegamas, and Julian, Emperor of Rome»]. In [*Collected Works in 30 vols.*]. Vol. 6, 133–141. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955 (in Russian)).

Герцен, А.И. «К старому товарищу». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 20, ч. 2, 575–593. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

(Herzen, Alexander. [«To an Old Comrade»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 20, Part 2, 575–593. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Капризы и раздумье. III. Новые вариации на старые темы». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 2, 86–102. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Caprices and Reflection. III. New Variations on Old Themes»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 2, 86–102. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Концы и начала». В *Собрании сочинений в 30 т.* Т. 16, 129–198. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

(Herzen, Alexander. [«Endings and Beginnings»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 16, 129–198. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Лишние люди и желчевики». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 14, 317–327. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«Superfluous People and Bitter People»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 14, 317–327. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «М.Ф. Корш, 22 июля 1858 г.». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 26, 193–194. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.

(Herzen, Alexander. [«M.F. Korsh, 22 July 1858»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 26, 193–194. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Мясо освобождения». В *Собрании сочинений в 30 т.* Т. 16, 25–29. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

(Herzen, Alexander. [«The Meat of Liberation»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 16, 25–29. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959 (in Russian)).

Герцен, А.И. «О месте человека в природе». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 1, 13–25. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«On the Place of Man in Nature»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 1, 13–25. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Опять в Париже». В *Собрании сочинений в 30 т.* Т. 5, 303–384. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

(Herzen, Alexander. [«Again in Paris»]. In [*Collected Works in 30 vols.*]. Vol. 5, 303–384. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Ответ». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 12, 315–319. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

(Herzen, Alexander. [«Response»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 12, 315–319. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Первый шаг к освобождению крестьян в России (перевод)», *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 13, 152–157. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«The First Step Towards the Liberation of Peasants in Russia (translation)»], [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 13, 152–157. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма из Франции и Италии». В *Собрании сочинений в 30 т.* Т. 5, 7–226. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

(Herzen, Alexander. [«Letters from France and Italy»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 5, 7–226. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма об изучении природы». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 3, 89–316. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Letters on the Study of Nature»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 3, 89–316. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма 1832–1838 годов». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 21, 7–404. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

(Herzen, Alexander. [«Letters from 1832–1838»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 21, 7–404. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма 1839–1847 годов». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 22, 7–270. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

(Herzen, Alexander. [«Letters from 1839–1847»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 22, 7–270. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма 1847–1850 годов». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 23, 7–326. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

(Herzen, Alexander. [«Letters from 1847–1850»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 23, 7–326. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма 1860–1863 годов». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 27, кн. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

(Herzen, Alexander. [«Letters from 1860–1863»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 27, book 1. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма 1865–1866 годов». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 28, 7–260. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

(Herzen, Alexander. [«Letters from 1865–1866»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 28, 7–260. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письма к путешественнику». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 18, 343–383. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

(Herzen, Alexander. [«Letters to a Traveller»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 18, 343–383. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 13, 35–46. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«Letter to Emperor Alexander II (Regarding Baron Korf's Book)»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 13, 35–46. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Письмо о свободе воли (перевод)». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 20, ч. 1, 438–443. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

(Herzen, Alexander. [«Letter on Free Will (translation)»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 20, Part 1, 438–443. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Порядок торжествует!». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 19, 166–199. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

(Herzen, Alexander. [«Order Triumphs!»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 19, 166–199. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960 (in Russian)).

Герцен, А.И. «<Предисловие к книге "О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и "Путешествие" А. Радищева…>». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 13, 272–277. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«<Preface to the book "On the Corruption of Morals in Russia" by Prince M. Shcherbatov and "The Journey" by A. Radishchev…>»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 13, 272–277. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург)». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 2, 111–115. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Public Readings by Mr Granovsky (Letter to St Petersburg)»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 2, 111–115. Moscow:

Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «<Развитие человечества, как и одного человека…>». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 1, 26–28. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«<The Development of Humanity, as well as of an Individual…>»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 1, 26–28. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Рассказы о временах меровингских». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 2, 7–32. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Stories of the Merovingian Times»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 2, 7–32. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 1, 366–368. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

(Herzen, Alexander. [«Speech Given at the Opening of the Public Library for Reading in Vyatka by A. Herzen on 6 December 1837»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 1, 366–368. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Русский заговор 1825 года (перевод)». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 13, 128–145. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«The Russian Conspiracy of 1825 (translation)»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 13, 128–145. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Русский народ и социализм (авторизованный перевод)». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 7, 307–339. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

(Herzen, Alexander. [«The Russian People and Socialism (authorised translation)»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 7, 307–339. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Русские немцы и немецкие русские». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 14, 148–189. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«Russian Germans and German Russians»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 14, 148–189. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «1860 год». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 14, 214–225. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«The Year 1860»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 14, 214–225. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Герцен, А.И. «С того берега». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 6, 7–142. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

(Herzen, Alexander. [«From the Other Shore»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 6, 7–142. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Prolegomena (перевод)». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 20, ч. 1, 50–79. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

(Herzen, Alexander. [«Prolegomena (translation)»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 20, Part 1, 50–79. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960 (in Russian)).

Герцен, А.И. «Vivat Polonia». В *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 15, 44–49. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

(Herzen, Alexander. [«Vivat Polonia»]. In [*Collected Works in 30 vols.*] Vol. 15, 44–49. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)).

Демченко, А.А. *Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858)*. М.; СПб.: Петроглиф, 2015.

(Demchenko, A.A. [*N.G. Chernyshevsky. Scientific Biography (1828–1858)*]. Moscow; St. Petersburg: Petroglyph, 2015 (in Russian)).

Дмитриева, Н.А. «Концепция истории Н.В. Болдырева: неокантианские перспективы». *История философии* 21, № 2 (2016): 45–58.

(Dmitrieva, Nina A. «The Conception of History by Nikolai Boldyrev: Neo-Kantian Perspectives». *History of Philosophy* 21, No. 2 (2016): 45–58 (in Russian)).

Дмитриева, Н.А. «Was ist Aufklärung? Die Antwort der Brüder Snell». *Вопросы философии*, № 12 (2024): 136–147.

(Dmitrieva, Nina A. «Was ist Aufklärung? Die Antwort der Brüder Snell». *Voprosy Filosofii*, No. 12 (2024): 136–147 (in German)).

Желвакова, И.А. *Герцен*. М.: Молодая гвардия, 2010.

(Zhelvakova, Irena A. *Herzen*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2010 (in Russian)).

Кант, Иммануил. *Антропология в прагматическом отношении*. В *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*. Т. 1. *Сочинения по антропологии*. Под

редакцией А.Г. Жаворонкова, 162–396. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

(Kant, Immanuel. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. In [*Works on Anthropology, Political Philosophy and Philosophy of Religion in Three Volumes*]. Vol. 1. [*Works on Anthropology*]. Edited by A.G. Zhavoronkov, 162–396. Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University Press, 2024 (in Russian)).

Кант, Иммануил. «Заметки в книге “Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного”». В *Собрание сочинений в 8 т.* Под редакцией Арсения В. Гулыги, Vol. 2, 353–392. М.: ЧОРО, 1994.

(Kant, Immanuel. [«Notes in the book Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime»]. In [*Collected Works in 8 vols*.]. Edited by Arseni V. Gulyga, Vol. 2, 353–392. Moscow: ChORO, 1994 (in Russian)).

Кант, Иммануил. *Критика практического разума*. В *Сочинения на немецком и русском языках*. Т. 3. Под редакцией Э.Ю. Соловьёва, А.К. Судакова, Б. Тушлинга и У. Фогеля, 277–733. М.: Московский философский фонд, 1997.

(Kant, Immanuel. *Kritik der praktischen Vernunft*. In *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Bd. 3. Herausgegeben von Erich Solowjov, Andrei Sudakov, Burkhardt Tuschling und Uli Vogel, 277–733. Moskau: Moskovskii knizhnyi fond Verlag, 1997 (in Russian and German)).

Кант, Иммануил. *Критика чистого разума, 2-издание (B)*. В *Сочинения на немецком и русском языках*. Т. 2, ч. 1. Под редакцией Н.В. Мотрошиловой, Т.Б. Длугач, Б. Тушлинга и У. Фогеля. М.: Наука, 2006.

(Kant, Immanuel. *Kritik der reinen Vernunft, 2. Auflage (B)*. In *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Bd. 2, Teilband 1. Herausgegeben von Nelly Motroshilova, Tamara Dlugatsch, Burkhard Tuschling und Uli Vogel. Moskau: Nauka Veralg, 2006 (in Russian and German)).

Кант Иммануил. *Основоположение к метафизике нравов*. В *Сочинения на немецком и русском языках*. Т. 3. Под редакцией Э.Ю. Соловьёва, А.К. Судакова, Б. Тушлинга и У. Фогеля, 39–275. М.: Московский философский фонд, 1997.

(Kant, Immanuel. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. In *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Bd. 3. Herausgegeben von Erich Solowjov, Andrei Sudakov, Burkhardt Tuschling und Uli Vogel, 38–276. Moskau: Moskovskii knizhnyi fond Verlag, 1997 (in Russian and German)).

Кант, Иммануил. «Ответ на вопрос: что такое просвещение?». В *Сочинения по антропологии, философии политики и философии*

религии в трех томах. Т. 2. *Сочинения по философии политики*. Под редакцией В.А. Чалого, 48–55. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

(Kant, Immanuel. «An Answer to the Question: What is Enlightenment?» In [*Works on Anthropology, Political Philosophy, and Philosophy of Religion in Three Volumes*]. Vol. 2. [*Writings on the Philosophy of Politics*]. Edited by Vadim A. Chaly, 48–55. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 2024 (in Russian)).

Кант, Иммануил. «Что значит ориентироваться в мышлении?». В *Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах*. Т. 2. *Сочинения по философии политики*. Под редакцией В.А. Чалого, 97–113. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

(Kant, Immanuel. «What Does It Mean to Orient Oneself in Thinking?» In [*Works on Anthropology, Political Philosophy and Philosophy of Religion in Three Volumes*]. Vol. 2. [*Works on Political Philosophy*]. Edited by Vadim A. Chaly, 97–113. Kaliningrad: Im. I. Kant BFU Publishing House, 2024 (in Russian)).

Каплун, В.Л. «У истоков российского политического модерна: "подтибрил" ли Радищев свой проект Просвещения у Канта? (И если да, то почему не сослался?)». *Логос*, 31, № 5 (2021): 27–57.

(Kaploun, Viktor L. [«The Origins of Russian Political Modernity: Did Radishchev "Crib" His Enlightenment Project from Kant? (And If So, Why Didn't He Cite the Source?)»]. *Logos* 31, No. 5 (2021): 27–57 (in Russian)).

Киреевский, И.В. «Девятнадцатый век (окончание)». В *Европеец. Журнал И.В. Киреевского 1832*. Под редакцией Л.Г. Фризмана, 303–320. М.: Наука, 1989.

(Kireevsky, Ivan V. [«The Nineteenth Century (Conclusion)»]. In [*The European. Journal of I.V. Kireevsky 1832*]. Edited by Leonid G. Frizman, 303–320. Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian)).

Киреевский, И.В. «"Горе от ума" – на московском театре». В *Европеец. Журнал И.В. Киреевского 1832*. Под редакцией Л.Г. Фризмана, 105–110. М.: Наука, 1989.

(Kireevsky, Ivan V. [«"Woe from Wit – at the Moscow Theatre»]. In [*The European. Journal of I.V. Kireevsky 1832*]. Edited by Leonid G. Frizman, 105–110. Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian)).

Круглов, А.Н. «О понятии просвещения в русской философии XVIII века». *Христианское чтение*, № 1 (2023): 225–245.

(Krouglov, Aleksei N. «The Concept of Enlightenment in Russian Philosophy of the 18th Century». *Christian Reading*, No. 1 (2023): 225–245 (in Russian)).

Круглов, А.Н. *Философия Канта в России*. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

(Krouglov, Aleksei N. [*Kant's Philosophy in Russia*]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 2024 (in Russian)).

Круглов, А.Н. «Кантовское понятие просвещения и его альтернативы», *Кантовский сборник* 42, № 2 (2023): 16–39.

(Krouglov, Aleksei N. «Kant's Concept of Enlightenment and Its Alternatives». *Kantian Journal* 42, No. 2 (2023): 16–39).

Круглов, А.Н. «Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I», *Кантовский сборник* 49, № 3 (2014): 19–39.

(Krouglov, Aleksei N. [«Minority and the Task of True Transformation of the Mind-Set. Part I»]. *Kantian Journal*, No. 3 (49) (2014): 19–39 (in Russian)).

Куценко, Н.А. *Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы: Монография*. М.: ИФ РАН, 2005.

(Kutsenko, Nataliya A. [*Spiritual-Academic Philosophy in Russia in the First Half of the 19th Century: The Kiev and St. Petersburg Schools: Monograph*]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2005 (in Russian)).

Лессинг, Готхольд Э. «Воспитание человеческого рода (1780)». В *Лики культуры: Альманах. Том первый*. Составитель С.Я. Левит, 479–499. М.: Юрист, 1995.

(Lessing, Gotthold E. [«The Education of the Human Race (1780)»]. In [*Faces of Culture: Almanac. Volume One*]. Compiled by Svetlana Ya. Levit, 479–499. Moscow: Yurist, 1995 (in Russian)).

Малиа, Мартин. *Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855.* Перевод А. Павлова, Д. Узланера. Вступительная статья и общая редакция А. Павлова. М.: Территория будущего, 2010.

(Malia, Martin. *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. 1812–1855.* Translated by Aleksandr Pavlov and Dmitri Uzlaner. Introductory article and general editing by Aleksandr Pavlov. Moscow: Territory of the Future, 2010 (in Russian)).

Манн, Ю.В. «Записка И.В. Киреевского к Герцену». В *Литературное наследство*. Т. 99. *Герцен и Огарев в кругу родных и друзей*. Под редакцией Л.Р. Ланского и С.А. Макашина, кн. 2, 556–562. М.: Наука, 1997.

(Mann, Yuri V. [«I.V. Kireevsky's Note to Herzen»]. In [*Literary Heritage*]. Vol. 99. [*Herzen and Ogarev Among Family and Friends*]. Edited by Leonid R. Lansky and Sergei A. Makashin, Book 2, 556–562. Moscow: Nauka, 1997 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В., ред. *История философии: Запад – Россия – Восток*. Книга вторая. *Философия XV–XIX вв.*, 2-е изд. М.: Академический Проект, 2020.

(Motroshilova, Nelly V., ed. [*History of Philosophy. West – Russia – East*]. Book Two. *Philosophy of the 15th–19th Centuries*, 2nd ed. Moscow: Academic Project, 2020 (in Russian)).

Огарев, Н.П. «<Отрывок из автобиографии>». В *Избранные социально-политические и философские произведения*. Под общей редакцией М.Т. Иовчука, Н.Г. Тараканова. Т. 2, 21–23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956.

(Ogarev, N.P. [«<Excerpt from Autobiography>»]. In [*Selected Social, Political and Philosophical Works*]. Edited by Mikhail T. Iovchuk and Nikolai G. Tarakanov. Vol. 2, 21–23. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1956 (in Russian)).

Огарев, Н.П. «А.И. Герцену. Июля 10 <1833>». В *Избранные социально-политические и философские произведения*. Под общей редакцией М.Т. Иовчука и Н.Г. Тараканова. Т. 2, 262–263. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956.

(Ogarev, N.P. [«To A.I. Herzen. 10 July <1833>»]. In [*Selected Social, Political and Philosophical Works*]. Edited by Mikhail T. Iovchuk and Nikolai G. Tarakanov. Vol. 2, 262–263. Moscow: State Political Literature Publishing House, 1956 (in Russian)).

Павлов, А.Т. «К вопросу о влиянии на Герцена Кузена, Цешковского и Фейербаха». *Вопросы философии*, № 7 (2014): 161–166.

(Pavlov, Aleksei T. [«On the Influence of Cousin, Teschkovsky, and Feuerbach on Herzen»]. *Voprosy Filosofii*, No. 7 (2014): 161–166 (in Russian)).

Пассек, Т.П. *Из дальних лет. Воспоминания*. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1963.

(Passek, Tatiana P. [*From Distant Years. Memoirs*]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat Publ., 1963 (in Russian)).

Пустарнаков, В.Ф. *Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа*. М.: ИФ РАН, 2002.

(Pustarnakov, Vladimir F. [*The Philosophy of Enlightenment in Russia and France: A Comparative Analysis*]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2002 (in Russian)).

Радищев, А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву». В *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*. Составление и комментарий А.В. Западова, 5–123. СПб.: Наука, 1992.

(Radishchev, A.N. «Journey from St. Petersburg to Moscow». In *Journey from St. Petersburg to Moscow. Freedom*. Compiled and annotated by Aleksandr V. Zapadov, 5–123. St. Petersburg: Nauka Publ., 1992 (in Russian)).

«А.Е. Скворцов – Герцену. Аннотации, № 8». В *Литературное наследство*. Т. 62. *Герцен и Огарев II*, 758. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

([«A.E. Skvortsov to Herzen. Annotations, No. 8»]. In [*Literary Heritage*]. Vol. 62. [*Herzen and Ogarev II*], 758. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955 (in Russian)).

Смирнова, З.В. «Герцен и Кант». В *Кант и философия в России*, под редакцией З.А. Каменского и В.А. Жучкова, 26–41. М.: Наука, 1994.

(Smirnova, Zinaida V. [«Herzen and Kant»]. In [*Kant and Philosophy in Russia*], edited by Zakhar A. Kamensky and Vladimir A. Zhuchkov, 26–41. Moscow: Nauka Publ., 1994 (in Russian)).

Ткачев, П.Н. «Утопическое государство буржуазии (Эмиль Жирарден и его философия)». В *Сочинения в двух томах*. Т. 1, 328–373. М.: Мысль, 1975.

(Tkachev, Petr N. [«The Utopian State of the Bourgeoisie (Emile Girardin and His Philosophy)»]. In [*Works in Two Volumes*]. Vol. 1, 328–373. Moscow: Mysl', 1975 (in Russian)).

Шиллер, Фридрих. «Каллий, или О красоте». В *Собрание сочинений в 7 т.* Т. 6, 70–114. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957.

(Schiller, Friedrich. [«Callias, or On Beauty»]. In [*Collected Works in 7 vols.*]. Vol. 6, 70–114. Moscow: State Publishing House of Artistic Literature, 1957 (in Russian)).

Шиллер, Фридрих. «Письма об эстетическом воспитании человека». В *Собрание сочинений в 7 т.* Т. 6, 251–358. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957.

(Schiller, Friedrich. [«Letters on the Aesthetic Education of Human Being»]. In [*Collected Works in 7 vols.*]. Vol. 6, 251–358. Moscow: State Publishing House of Artistic Literature, 1957 (in Russian)).

Cousin, Victor. *Fragmens philosophiques*. Paris: Sautelet, 1826.

Cousin, Victor. *Cours de philosophie. Introduction à l'histoire de la philosophie*. Paris: Pichon et Didier, 1828.

Dictionnaire des parlementaires français comprenant tous les Membres des Assemblées françaises et tous les Ministres français. Depuis le 1er mai 1789

jusqu'au 1er mai 1889. Publié sous la direction de Adolphe Robert, Edgar Bourloton & Gaston Cougny. T. 3. *Fes – Lav*. Paris: Bourloton, 1890.

Dmitrieva, Nina. «Kants Bedeutung für die intellektuelle Kultur Russlands». In *Immanuel Kant 1724–2024. Ein europäischer Denker*, herausgegeben von Volker Gerhardt, Matthias Weber, Maja Schepelmann, 253–262. Oldenburg: De Gruyter, 2022.

G.W.F. Hegel, «Berliner Antrittsrede (1818)». In *Berliner Schriften (1818–1831) voran gehen Heidelberger Schriften (1816–1818)*. Herausgegeben von Walter Jaeschke, 43–61. Hamburg: Meiner, 1997.

[Herzen, Alexander]. «Omnia mea mecum porto. Eine freundschaftliche Admonition». *Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben* 8 (1850): 224–243.

Lerminier, Eugène. *Introduction générale a l'histoire du droit.* Bruxelles: Louis Hauman et compagnie, 1830.

«Les journaux de l'Union électorale…», in *La Voix du Peuple*, No. 147, 26 fevrier 1850, 2.

«La *Voix du Peuple* et la *Republique* étaient…», in *La Presse*, Quinzieme année, No. 4985, Lundi, 25 fervrier, 1850, 1.

Proudhon, Pierre-Joseph. *De la création de l'ordre dans l'humanité, ou principes d'organisation politique*. Paris: Librairie de Prévot; Besançon: Bintot, 1843.

Frauenstädt, Julius. *Schelling's Vorlesungen in Berlin, Darstellung und Kritik der Hauptpunkte derselben, mit besonderer Beziehung auf das Verhältnis zwischen Christenthum und Philosophie*. Berlin: August Hirschwald, 1842.

Schlosser, Friedrich Christoph. *Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts und des neunzehnten bis zum Sturz des französischen Kaiserreichs. Mit besonderer Rücksicht auf geistige Bildung*. Bd. 3, *Bis 1788*. Abth. 2. *Vom Anfange des Seekriegs in Europa um 1778 bis zum Mai 1788*. Heidelberg: Mohr, 1843,

Schubert, Friedrich Wilhelm. «Vorrede». *Immanuel Kant's sämmtliche Werke*. Herausgegeben von Karl Rosenkranz und Friedrich Wilhelm Schubert. Bd. 7. *Kleine anthropologisch-praktische Schriften*. Herausgegeben von Friedrich Wilhelm Schubert. Leipzig: Voss, 1838.

Snell, Christian W. *Die Sittlichkeit in Verbindung mit der Glückseligkeit einzelner Menschen und ganzer Staaten, aus zwei gekrönten Preisschriften zusammengezogen und mit beständiger Rücksicht auf die Kantische Moralphilosophie ganz neu bearbeitet*. Frankfurt am Main: In der Gebhard- und Körberschen Buchhandlung, 1790.